

Р

ИГОРЬ ЛУКОВСКИЙ

305

34547

БИТВА

под

ГРЮНВАЛЬДОМ

ИСКУССТВО 1945

ИГОРЬ ЛУКОВСКИЙ

**ВИТЯ
ПОД
БРЮНЕЛЬДОМ**

«СЛАВЯНЕ»

*Историческая драма
в четырех действиях, восьми картинах*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»**

**МОСКВА
ЛЕНИНГРАД
1945**

ГУРК № то-234/45

Оформление художника
Г. БЕРШАДСКОГО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Иванко Жданов — псковский мужик.
Ольга — его жена.
Избрана — сестра Ольги.
Ждан — отец Иванко.
Марфа — мать Иванко.
Михалка — отец Ольги и Избраны.
Андрей Всеволодович — псковский дружинник.
Василько — его сын, суженый Избраны.
Вячка — странник, монах-расстрига.
Порфиша — смоленский ратник.
Милка — псковская девочка.
Твердышок — псковский посадник.
Василий Дмитриевич — великий князь Московский.
Софья Витовтовна — его жена, великая княгиня.
Иван Федорович Кошка — московский боярин.
Витовт — князь Литовский и Русский.
Юрий Лугвениевич — князь и воевода Смоленский.
Вингалла — Волковысский воевода.
Лухим — старый слуга Витовта.
Владислав Ягелло — король Польши.
Збигнев Олесницкий — королевский писарь.
Зындрам из Машковиц — знаменитый польский рыцарь, королевский мечник (оруженосец).
Юранда из Радома — шляхтич
Ян Сулимчик
Повала из Тачева } польские рыцари.

Завиша
 Добко
 Монжик
 Пашко

} польские рыцари.

Ян Жишка из Трочнова — знаменитый чешский рыцарь и военачальник.

Ульрих фон Юнгинген — великий магистр Тевтонского ордена.

Кунигунда фон-Альфлебен — баронесса Брандебургская, его любовница.

Куно фон Лихтенштейн — великий комтур Тевтонского ордена.

Генрих фон Тетинген — комтур Ливонского ордена.

Марквард Зальцбах — немой рыцарь, комтур, прозванный «бич божий».

Рюрих — оруженосец и клевет немого рыцаря.

Фабриас — доктор богословия, лазутчик Тевтонского ордена.

Зигфрид Леве — купец, торговый лазутчик ордена.

Арнольд фон Баден
 Фридрих фон Валленрод

} тевтонские рыцари.

Гуго де Дефе
 Урс Урбис — астролог.

Антонио Сальвари из Флоренции
 Герцог Конрад Австрийский
 Филаф Машмура из Венгрии
 Филипп Эрибис из Испании

} иностранные рыцари-крестоносцы.

Большой Карл
 Генрих

} кнехты Тевтонского ордена.

Славянские военачальники; бояре, ловчие и слуги князя Витовта; московские бояре и слуги великого князя Василия Дмитриевича; польские рыцари; немецкие рыцари, кнехты и слуги великого магистра.

Время действия — 1410 год (февраль — июль).

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Изба Ждана на Псковщине, вблизи рубежа Ливонского ордена.

Февраль 1410 года. Вечер.

В очаге весело пылает огонь, бросая красноватые блики на стены, сложенные из новых, свежеструганных бревен, на лица людей в светлых одеждах, сидящих за покрытым вышитой скатертью столом. Горят еще и лучины в поставцах; в избе — светло, ясно и празднично. Стол уставлен жбанами, ендовами с медом и брагой, деревянными тарелками со всякой снедью. На скамье, покрытой медвежьей шкурой, сидят молодые — Иванко и Ольга, отец невесты — Михалка, его младшая дочь Избрана, старый псковский дружинник Андрей Всеволодович, его сын Василько и странник Вячка — веселый человек.

Уже немало выпито медов и крепкой бражки, уже распущены пояса и расстегнуты ворота рубах, а хлебо-

сольный хозяин, маленький старичок Ждан все подливает и подливает в чаши, и жена его — здоровенная старуха Марфа — мечет из печи на стол новую снедь.

Поднялся старый дружинник Андрей, седал его борода распушилась на кольчуге, лицо в морщинах и шрамах.

1

Андрей (*вынул ожерелье*). Могуч янтарь от дурного глаза. В свейской земле добыт. Бери, Ольга, на счастье, да принеси-ка ты мужу, сколько зерен тут, столько мальчиков...

Вячка. А сколько мальчиков, столько и девочек!..

Избрана. Ай, сестричка, янтарь! Заморский!

Михалка. Тароватый гость... Кланяйся, Олюшка...

Ольга. Спасибо, Андрей Всеволодыч... А зерен в нем — и не счесть... (*Смущенно.*) Вишь, сколько ты мне мук нажелал.

Марфа. И-и-и, невестка... Что ты? Дети не мука, а бабья радость. А я-то как же двенадцать сынов родила?.. Справилась!..

Андрей. Хо-хо-хо!..

Михалка. Ай да Марфа Гавриловна!

Ждан. Марфуша, чу! Еще снеси мечи!

Вячка. Ух, вот так пирог — в сажень поперек!

А н д р е й. Господи, дух-то! С чем пирог-то, хозяюшка?

М а р ф а. Всячина всякая: тут и рыбка, и гриб, и репа, и для кислинцы капуста с ягодой.

А н д р е й. Эка беда и грех! Утроба моя уже полная.

В я ч к а. И-их, что ты за воин, коли сыт пустяками! Для доброго теста всегда есть место.

М а р ф а. Во здравие кушайте, гости милые! Молодых надо облакомить.

Ольга и Иванко целуются.

И з б р а н а. Довольно уж вам, сладены!

Ж д а н. Лей, Вячка, лей! Али мед не сычен?

М и х а л к а. Ух, сычен! Обожди, боле не в мочь. Ишь, пальцев своих и то счесть не могу.

В я ч к а. А на что их считать? Грех! Как бог Адама творил, все ему сосчитал, окромя волос, чтоб росли, как трава на земле,— без счета. Ну же, медку под пирожок-то!

М и х а л к а. Эх, Андрей Всеволодыч, постарели с тобой... Давно ли женились, ан вот уже вдовы. А дочки мои вчера были пичужками, глянь одна уж оперилась и перепорхнула...

И в а н к о. Коров за озером Чудским сторгуюм! Там добрые! Верно, Олюшка?

Целуются.

О л ь г а. Верно, милый... Купим коровушек...

И з б р а н а. Сами вы стали ровно телята!
Ух, и забава глядеть!

М а р ф а. Тш-ш, ты — озорница!

М и х а л к а. И Избрана моя — ягода стала
Вся в мать. Чай, помнишь хозяйку мою, Анд-
реюшка?

А н д р е й. Как не помнить Дарью Михай-
ловну. Лебедь была.

М и х а л к а. Верно, лебедь. И стрела немец-
кая — э-эх!

О л ь г а (*ласково гладит его руку*). Не поми-
най о матушке, батя. Не печалься!

Ж д а н. И то! Здесь душа ее ходит — на
нашем весельи.

А н д р е й. Души дедов наших живут с нами.
Кто помер, тот в землю ложится, в прах, но
кровь его в детях живет.

Ж д а н. Смерти нет, коли дети есть.

А н д р е й. А дети во внуках живы.

М и х а л к а. Во внуках!

И в а н к о. Так и живет народ! Лей, Вячка!

В я ч к а. Кому слова, а мне ендова.

И в а н к о. Тебе пить — не пахать! Брюхо —
бочка, язык — веретено.

В я ч к а. А у нас на Смоленске все умники.
Вот я-то извержен из ангельского чина — си-
речь расстрига, веселый человек, мой язык брю-

ко кормит, так и живу. Кто молчит — сам себе на уме, а я человек открытый!

Иванко. Кто молчит — не торчит!

Вячка. Э-э, нет, Иванушка! Нет! Слово — сила! Красным словом можно зверя убить, город разрушить, солнце остановить. Все можно словом сделать, ежели слово праведное.

Иванко. А чего же ты из монастыря ушел? Ну, и бил бы там лбом об грешневую кашу...

Вячка. Что монастырь — посты да обедни! Бывало, игумен, как ести прикажет, так на стол и поставят: репу пареную, да редьку вяленую, да посконную кашу на вязовой ложке, а в братину квас наливают! Тьфу!.. Все нам редька да хрен, да чашник-старец Ефрем! А еще, бывало, в монастыре... *(Рассказывает тише одним мужикам что-то очень смешное и нескромное.)*

Избрана и Василько отходят в сторону.

Избрана смотрит в оконце.

Василько. Дозволь, Избрана, поклониться родителю.

Избрана. Вот уже и зазвечерело. Гляди: звезды пришли.

Василько. Мне не в звезды глядеть — на тебя.

Избрана. Видишь, березка плачет? *(При-*

жимаются губами к свежему срубу.) Уж и сок у нее — сласть! Люблю!

Василько. Мне бы сказала словечко...

Избрана. Еще, может, тебя поцеловать?

Василько. Ага!

Избрана. А вдруг ты не сладкий, а горький?

Василько. Будто не знаешь?

Избрана. Я забыла.

Василько. Избрана! Никто не глядит! Эка ты!

Избрана. Уж какая есть. Нынче ездил на Гдов, клялся, поди, не одной. Девки там ярые.

Василько. Да и не глядел. И не видел какие — толстые али тонкие.

Избрана. Там рыжие все, говорят, белые, я же — чернавочка...

Василько. Дозволь же просить... свет-су, Избрана Михайловна...

Избрана. По отчеству зовешь, как дочку посадскую?

Василько. Дороже ты мне посадской и всякой.

Обнимаются.

Избрана. Василько, любимый!..

Василько. Дозволь...

Избрана. Ладно... Не нынче только... Хоть

завтра... Дай еще хоть денек... девкой понежить-ся, тебя подождать!..

За столом — хохот.

Вячка. Вот и ушел я из монастыря! Ныне в миру спасаюсь! А уж вот весной на богомолье в Киев пойду!

Иванко. Киев? Далече! Не дойдешь.

Вячка. Дойду. Ничего! Погляжу, как там люди живут.

Михалка. А до весны недалече...

Марфа. Снег нынче пухло лежит: весна будет красна.

Василько (тихо). Избу новую срубим, Избранка, на столбах резных! Да поставим на озере. Ладно? Заживем — краше всех.

Избрана (тихо). Ладно...

Андрей. Да, други, кабы не вражье лихо! Вот и сосед ваш Олексич ставил избы прошлой весной...

Ждан. Ставил, бедный!..

Андрей. Проезжал я мимо — пепел да кости... (Василько.) Понял, сынок?

Василько. Что же нам с дедовских земель уходить?.. Здешний рубеж искони наш, и отсюда никуда не пойдём!

Михалка. Пойдешь, ежели немец-пес навалится.

Иванко. Разве топор наш немецкую кость не берет?

Михалка. Велика ихняя сила! В бою как станут стеной один подле другого, в железных бронях, да рожи закрыты: лишь глаза в решетках забрал...

Иванко. А вот в глаза-то и колоть!

Андрей. Встречал я их конным и пешим, с мечом и с топором, и хоть мужик я, а не рыцарь, но доставал сквозь железо и до ихнего мяса.

Михалка. Пскову нашему одному от немца не отбиться. С Москвы надо рать просить.

Избрана. Так с немцем же нынче мир у нас!

Андрей. Эх, пташка зеленая... С худыми соседями мир — не мир. Боюсь, нынче время настанет: вырастут внуки, дедов не зная, сыновья отцов не увидят.

Иванко. Тише! Где-то звонят...

Ждан. Эге! Било рубежное! Било!

Все прислушиваются.

Михалка. Ой, да это с городища всполох...

Марфа. Ох, не к добру!.. Худо звонят... (Подбегает к оконцу.) Гляньте, красно!

Ждан. На посаде горит... Может... так занялось...

Ольга. О беде говорили, а беда к нам!
Избрана (у окна). Немцы! Вон огоньки! Факелы!

Андрей. Ставни закройте!

Ждан. Может... свет потушить? Отсидимся!

Стук в дверь.

Иванко. Пришли...

Михалка. Может, от соседей?

Избрана. Вот и счастье наше, любый...

Василько. Ништо, Избрана! Отгоним!

Стук повторился.

Андрей. Гости, хозяин. Опроси!

Ждан. Эй, кто стучит?

Голос (за дверью). Чей дом?

Ждан. Порубежный тынец старшины псковского Ждана. Кто вы?

Голос (за дверью). Во имя Иисуса Христа, отворите!

Ждан. Час поздний. Гостей не ждем. С богом идите мимо.

Голос (за дверью). Отворите, русские смерды, если вам шкура дорога!

Ждан. Не пугай! Нас тут много и мужи не с голыми руками! (Лезет на чердак.)

А н д р е й. Шкура наша дорогая. Лучше свою берегите!

В я ч к а. Дайте-ка и мне топор. Покороче да потяжелей.

Вылетают ставни оконца, в узкое отверстие просовывается зазубренное копые и вслед голова кнехта в квадратном шлеме с опущенным налечником.

К н е х т. Тут их мало, комтур!

А н д р е й. А-а-а!.. Челом!.. *(Подбежав, ударяет топором по голове немца; тот со звоном скатывается обратно.)*

Ж д а н *(с чердака)*. Латников много — с полсотни, и главный — рыцарь!

И в а н к о. Их пятьдесят, нас семеро!

М а р ф а *(вооружившись рогатиной)*. И меня посчитай, сынок!..

В окне показывается кнехт; вскинув арбалет, спускает стрелу и скрывается. Михалка медленно опускается на пол.

М и х а л к а. Ох, други!..

Избрана и Ольга бросаются к отцу.

О л ь г а. Батюшка, очнись!

И з б р а н а. Батюшка, жив ли? Батя! Скажи что-нибудь!..

Ольга. Водицы на!..

Михалка. Отбейтесь, други!.. Дочек сбереги, Иванко!.. Стрела... как в матушку нашу... Зубрины на ней... не вытащить!..

Избрана. Ну, батюшка, не помирай! Батюшка!

Из-под дверей и в оконце повалил густой дым.

Василько. Подожгли!..

Вячка. Спекут нас, проклятые!

Андрей. Надо нам выходить на бой.

Василько. Отгоним до речки, а наши в лес!

Иванко. Мать!.. Мы выйдем, а вы за ворота и к лесу!

Марфа. Не бойся, сынок. Мы уйдем! Вы-то как?

Ждан. Ладно, жена, живы будем!

Иванко. Олюшка!.. Выбьем их, Олюшка!

Ольга. Иванко!.. Батюшка!..

Андрей. Становись мне по левую руку, ты — по правую. Выйдем — держаться рука к руке! Ну, помоги нам, боже! Марфа Гавриловна, открывай!..

Марфа снимает засовы. Распахивается дверь, и русские тесной кучкой устремляются на врага. В дыму за дверью слышны звон и лязг железа.

На сцене — Ольга и Избрана у тела отца.

Избрана. Батюшка!.. Никак не дышит?..

Михалка. Дышу еще, дочка... Дышу...
(Приподнимается и вновь падает навзничь.)

Ольга. Иванко свалил двоих... еще одного...
Милый!..

Избрана. И Василько... И Василько —
двоих!..

Ольга. Еще свалил... Ой!..

Избрана. Василько упал!.. А-а-а... Рубят
его... (Припадает к телу отца.)

Ольга. И Ждан Иваныч упал!.. Господи!

Избрана. Погибли!..

Ольга. Иванко... сзади схватили... бьют!..
Помочь ему!.. Помочь!.. (Схватила нож и бе-
жит к дверям.)

Навстречу Ольге вбегает немой комтур Зальцбах с
обнаженным мечом, в черных, вороненых доспехах и
белом орденском плаще, за ним — оруженосец Рюрих,
латник Генрих и еще двое кнехтов. Ольга бро-
сается на Зальцбаха, но Рюрих, поймав ее руку, вы-
рывает нож.

Пусти, пес!..

Рюрих. Волчье семя! Вот, благородный
комтур: баба — и то с ножом! Бить ее? (Под-
нимает меч.)

З а л ь ц б а х. Га!.. (Схватил Ольгу, притянул к себе, со скрежетом поднял решетку забрала.)

Ольга, испуганная его уродством, замерла, не в силах сказать ни слова.

(Со страшной усмешкой.) Га!.. Га!.. Га!..

Кнехты подхватывают Ольгу.

Р ю р и х. Девок вяжите к седлам!

И з б р а н а. Батюшка! Батя! Убейте меня!

Кнехты отрывают ее от тела отца и тащат сестер к дверям.

Г е н р и х. Убить? Ого! Ты стоишь кучу золота, девчонка! (Убегает.)

Навстречу им збегают еще кнехты, впереди латник Большой Карл.

З а л ь ц б а х. Га!.. Га!.. (Приказывает мечом, знаками.)

Р ю р и х. Тушить огонь, собаки! Добыча тут! Эй, Большой Карл! Связали этого бычка с топором?

Б о л ь ш о й К а р л. Да, господин! Юнец диковинной силы: его одного едва держали десять

человек... Но уж тут подоспел я... Го, го!.. Уж я-то его взял! Связан, господин!

Р ю р и х. Язвы христовы... Ступай! Ломай сундуки! Все вороши получше!..

Большой Карл и кнехты бросаются к сундукам. Рюрих, взяв со стола ендову с медом, с поклоном подносит ее Зальцбаху.

Освежись, благородный комтур. У русских хороший мед.

З а л ь ц б а х. Га-а-а... (Пьет.)

Р ю р и х. В ужас придут на Пскове и по всей Руси, когда узнают, что ты, немой рыцарь, «бич божий», явился сюда карать. Нет в мире страшней твоего имени, немой комтур!

Кнехты тащат добычу.

Б о л ь ш о й К а р л. Вот кубышка с деньгами, благородный комтур. И рухлядь!

Зальцбах берет горшок и прячет под рыцарский плащ. Вбегают кнехт Г е н р и х.

Г е н р и х. Благородный комтур! Рыцарь-брат фон Тетинген доносит тебе: все городище горит, осталась только земля и вода!

Зальцбах, взмахнув мечом, подходит к двери.

Р ю р и х (бежит впереди, кричит). Трубить

сбор! Добычу грузить! Рабов ковать! Гей!..
Гей!..

Все выходят. Снаружи завывли боевые рога. Изба пуста. Тухнет очаг. Тишина. Шатаясь, входит Марфа с обломком рогатины в руке. Мимо разбитого сундука, мимо праздничного стола, мимо перевернутых скамей, мимо тела Михалки идет она к потухшему очагу... Садится. Долго сидит, скрестив на коленях руки. Густеет сумрак. Марфа подбрасывает в очаг одно поленце, за ним — другое, третье... Дует на тлющие уголья, и в очаге, вновь разгораясь, вспыхивает пламя.

Тихонько входит Милка — маленькая простоволосая девочка в огромном кожаном плаще, вся в снегу.

Милка. Тетка Марфа, а тетка Марфа...

Марфа. А-а-а, это ты, Милка...

Милка. Я... дай хлеба, тетка Марфа...

Марфа. Возьми...

Милка (берет со стола хлеб и жадно ест).

Я с волками в лесу песни пела... волчица... старая-старая... седая... Мамка моя. Я говорю: почему ты, мамка, живая, ведь тебя немцы сожгли?.. Много их скачут по дороге... Все в железе... огоньки в руках... дома горят... Тетка Софья лежит в канаве... Дитяtko на груди питает... А сама она мертвая...

Отблеск от очага падает на лицо Михалки.

Михалка (приподнимается). Ну, что... отбились?

М а р ф а. Нет.

М и х а л к а. Дай воды!..

Марфа встает и подносит ковш.

А дочки мои где?..

М а р ф а. Угнали... Нет у тебя дочек... И сыночка у меня нет... И мужа убили... А ты что ж? Помираешь?

М и х а л к а. Нет, нет! Я помирать не могу!.. Я стрелу обломаю! Земли дай мне с паутинкой, я рану залеплю, встану... сейчас встану!.. На Псков побегу, люд подымать!.. Сейчас побегу!.. А псковичей нехватит, новгородцев позовем, Москве ударим челом, князю Василию... Москву позовем!

М а р ф а. Москва-то далече...

М и х а л к а. Ой, не далече!.. Москва татар отбила. И рыцарей от русской земли отобьет. Я сейчас всю Русь пробегу... Только бы вот онучи... завязать покрепче... *(Снова падает в забытие.)*

М а р ф а *(наклоняется над ним)*. Кажись, душу стрела не задела... Отхожу тебя...

Вдали хрипло вост боевая труба.

Труби, кабан, труби!.. наших костей тебе не извести!.. Труби на погибель себе!..

З А Н А В Е С

КАРТИНА ВТОРАЯ

Еще до поднятия занавеса гудят бронзовые колокола, но звон их не торжественный и не призывающий, не благостный и спокойный, а, по свидетельству современников, такой удивительный звон, «как будто сами колокола, как рыцари, идут в поход» и в звоне этом—звучание оружия и доспехов, ритм движения конницы, надменный вызов врагам и хвастливое утверждение своей силы и непобедимости.

Поднимается занавес. Мальборг — столица Тевтонского ордена: витая каменная лестница в башне Высокого замка. Стены из каменных плит циклопической кладки. Вдоль ступеней на железных крюках висят щиты с орденскими крестами и боевые седла.

Покой магистра: большая мрачная комната. Своды потолка поддерживает массивная колонна, на которой висит треугольный щит с черным крестом на пурпурном поле. Такие же кресты — на дверях, на узких готических окнах в оловянных рамах и на спинках высоких кресел. В глубине комнаты висит огромный гобелен, разделяющий ее на две части. Всюду по стенам развешаны богатые рыцарские доспехи, двуручные мечи, тяжелые боевые секиры.

Ближе к авансцене, за малым столом, заваленным свитками пергамента и книгами, сидит Гуго де Дефе и быстро пишет под диктовку великого магистра ордена Ульриха фон Юнгингена.

Магистр нетерпеливо шагает взад и вперед. На нем платье простого кнехта: кожаный колет, который обычно носят под панцирем, грубые сборчатые штаны и высокие сапоги. Магистр говорит негромко, помогая своей речи прищелкиванием пальцев. На кресле у стола небрежно брошен его белый рыцарский плащ.

В отдалении стоит комтур Большого Конвента Куно фон Лихтенштейн — седой старик с мрачным, жестоким лицом.

1

Магистр (диктует). «Жители Данцига в садах ночного разврата, в домах прелюбодеяния да оставят свои расточительные пороки. Дева, что ходит ныне с обнаженным телом, пусть грудь и плечи свои закроет простым плащом и снимет жемчуг с волос своих... Купец Данцига пусть ныне сократит свою торговлю, да не тратит золото на роскошь из далеких стран. Горожанин Данцига пусть льет меньше дорогого масла в свою пищу и вместо иностранных вин пьет черное немецкое пиво, не излишествуя. Пусть город Данциг забудет про польский хлеб, ибо скоро по Висле поплывут трупы, а не баржи с зерном. Также запрещаются всякие излишества, ибо каждый грош нужен святому ордену для крестового похода на Восток, куда мы понесем в языческую тьму свет христианского мира. Для сей священной цели повелевается городскому совету Данцига внести в кассу ордена сто тысяч золотых марок, под страхом смерти незамедлительно...» (Остановился у стола.) Давай, подпишу. (Лихтенштейну.) Поставь свою подпись и ты, Куно. Ты дважды жег этот не-

покорный Данциг, и, если они не раскошелятся, твое имя пахнёт на них знакомым дымком... Святая кровь... Я заставлю навеки забыть, что Данциг по-польски когда-то звался Гданском! Хм... Гданск!.. (Дефе.) Такие же грамоты пошлешь городским советам Клайпеды и Либавы. Война должна кормить войну. Аминь. Посланы письма в Вену?

Дефе. Гонцы ускакали в ночь.

Магистр. А в Прагу?

Дефе. Рыцарь-брат фон Венде с твоим грозным посланием выехал в Прагу вчера.

Магистр. Разрешаю удалиться.

Гуго де Дефе собрал бумаги, ушел.

Что, Куно, чем радует нас это утро?

Лихтенштейн. Рыцари Шлиппен и Гаген утвердили наш меч в Мариямполе. Граф Альберт доносит из Вильнюса, что князь Литвы подписал пергаменты перемирия на наших условиях. Нашим послам оказан великий почет и поднесены дары.

Магистр. Слава господе! Литовская собака уже грызет собственный хвост! Хорошая весть, мой Куно. Зови же братьев с другими вестями.

Лихтенштейн дает знак. С лестницы спускаются один за другим рыцари в белых плащах, но не лица у них, а морды — волков, кабанов, львов и медведей.

Каждый рыцарь останавливается перед магистром, снимает маску и по орденскому ритуалу говорит свое «малое слово» приветствия. Подходит рыцарь в маске кабана, с ним его оруженосец Рюрих. Рыцарь снимает маску — лицо под ней все изрубцовано: чудовищный шрам раздвоил нос, изуродовал губы. Это — Марквард Зальцбах. Он молча кланяется.

Рюрих (говорит за Зальцбаха). Великий магистр, комтур Зальцбах — немой рыцарь, прозванный «бич божий», приветствует тебя с добрым утром!

Зальцбах. Га!..

Магистр. Из Ливонии вернулся, брат?

Зальцбах. Га!

Рюрих. Ночью, великий магистр.

Магистр. Говори.

Рюрих. Немой комтур ныне доносит: взят город Изборск на Псковской Руси. Для устрашения мы не оставили в живых ни одного горожанина, дома сожгли, а место, где стоял город, приказали вспахать плугом.

Магистр. Как же ответили русские? —

Рюрих. Нет ответа. Наши люди доносят: на Пскове разлад и смущение. Послы поехали в Новгород, а другие — еще дальше.

Магистр. Куда?

Рюрих. В Московию, великий магистр. Туда повезли они свои жалобы и, как говорят наши люди, оттуда ждут помощи. (С усмешкой.)

Мы же думаем, великий магистр, что все это — ложь. Псков созрел для нас, как плод на ветке. Пора его рвать и класть в нашу корзину, магистр.

Магистр. Бедный брат, лишенный языка, еще не насладился мезтью?

Зальцбах (отрицательно). Га!..

Магистр. Это хорошо. Благодарю тебя, брат. Разрешаю удалиться.

Зальцбах и Рюрих отходят.

Лихтенштейн (тихо магистру). Добычи у них много... Немой комтур вчера подарил молодого русского раба вашей крестной сестре, прекрасной Кунигунде... и...

Магистр. И... и что?

Лихтенштейн. И раб всю ночь находился в ее покоях...

Магистр (гневно). Потаскуха! Проклятая баба!

Низко кланяясь и приседая, выступает плотный черноробордый человек в богатой одежде, подбитой соболями.

Лихтенштейн. Вот немец, который вернулся с того света.

Магистр. Купец Зигфрид Леве? Ты? Был?..

Леве. Был и видел своими глазами.

Магистр. Рассказывай все.

Леве. Высокородный магистр Ульрих фон Юнгинген, в марте прошлого года я увидел город Москву и замок Большой Кремль...

Магистр. Святая кровь! Ты — славный лазутчик. Что же Московия? Что? Говори!

Леве. Если на Востоке чье-либо могущество возвеличится, это будет могущество Москвы.

Магистр. А? Московский князь так силен? Говори!

Леве. Богатства, великий магистр, богатства...

Магистр. Говори подробнее.

Леве. Сокровища неисчислимы! *(Вдруг, весь вспыхнув от страсти к стяжанию и блестя воспаленными глазами, кричит.)* Драгоценные меха — соболя, горностаи, куницы, бобры и серебряные лисицы... Мед и воск... Шерсть и полотно... Святой Бонифаций!.. Серая амбра, мускус, ладан, редкостная икра черная, черная и божественного вкуса... Редчайшие пряности из Индии... О, чудеса!.. Там рубины, агаты и жемчуг купцы продают горстями... И меры иной не знают — горсть!.. Золото и серебро там рубят топором, как дерево, и называют эти куски рублями...

Магистр. Святая кровь... Замолчи! Московия, Восток, все сокровища Индии и Китая —

пыль на рыцарских сапогах. Железо посеет — золото соберем.

Леве с поклонами удаляется. Следующие рыцари проходят мимо магистра быстро, один за другим, снимая маски и выкрикивая приветствия.

2-й рыцарь (*дороден и бородат, снимает маску медведя*). Комтур Арнольд фон Баден! Слава Иисусу!

Магистр. Аминь!

3-й рыцарь (*снимает маску ястреба*). Комтур Генрих фон Тетинген! Слава святому Иерониму!

Магистр. Аминь!

4-й рыцарь (*снимает маску совы*). Маршал Фридрих фон Валленрод приветствует тебя с добрым утром. Слава язвам христовым!

Магистр. Аминь!

Валленрод. Великий магистр, астролог Урс Урбис явился. Все гаданья уже закончены.

Магистр. Зови же его! Зови!

В пестром восточном халате, повязанном простой веревкой, в черном колпаке, с крыльями, кланяясь, входит астролог.

Астролог. О, великий магистр... Да, да, все готово. По движениям звезд — Тельца и Скорпиона... по заклятиям мудрости Эль-Херим-Дунасара и Паулино Александрийского... да,

да... по лунному свету в коалиной крови... по многим приметам и знакам... уж я постарался... всюду нынче — один ответ.

Магистр. Говори!

Астролог (*пророчествуя*). Великий магистр, смело иди на Восток! Иди... иди!.. Победа будет твоя! Могущество станет твое — выше не было в мире!.. Ни древний Египет в славе... ни Александр Македонский... ни Цезарь и Ганнибал... ни Аттила — покоритель народов... никто не сравнится с тобой!.. Иди!.. Звезды Польши померкли... Звезды Литвы и Руси... бледнеют... плывут... гаснут... Ты их погасишь, магистр! Иди!

Магистр. А звезды Московии?.. А?.. Московии! Что с ними и как? Отвечай! Или не знаешь?

Астролог. Они... тоже погаснут!.. Иди!.. Бойся одного, великий магистр... только одного... (*Голос его слабеет.*)

Магистр. Чего?.. Чего?.. Ну!..

Астролог. ...чтобы враги твои... не соединились вместе... Вот железная цепь Дуназара... каждое звено в ней — твоя победа... Побеждай... побеждай или порвутся звенья... (*Бросает цепь.*)

Магистр ловит ее на лету и прижимает к груди. Астролог падает в изнеможении. Лихтенштейн стоит

дрожа и крестится. Магистр, хрипло дыша, с цепью в руках, отходит. Астролог поднимается, кланяется и, пятясь, уходит. Из жаровен валит дым.

Магистр. Святая кровь... Эй, глоток вина!

Лихтенштейн подносит ему кубок.

(Пьет и опивки выплескивает на жаровню.)
Чтобы враги мои... не соединились вместе...
Клянусь, это сказано верно! (Тетингену.)
Брат Генрих, что делает польский король Ягелло?

Тетинген. Шестой день он с полным смирением ждет вашей аудиенции. Молится, бродит, сгорбившись, как монах, все что-то бормочет себе под нос. Над ним потешаются даже слуги, но он ждет.

Магистр. Ждет? Слава Иисусу! Польская лисица любит выжидать. Настало время, когда сам Ягелло приехал под чужим именем и слоняется в наших передних... Страшный и гордый король Ягелло! Вот как мы смиряем гордыню! Пусть еще подождет! (Бадену.) Как прибывают рыцари-крестоносцы?

Баден. День и ночь умножаются наши силы. Уже переполнены все форштадты, и, видишь, великий Ульрих (указывая в окно), скоро все поля вокруг города покроются рыцарскими шатрами.

Магистр. Голодная рвань ползет за добычей. Пусть дерутся свирепо. На Востоке хватит для всех. А пока — пусть их кормят, и поят, и сводят с непотребными девками: рвань должна быть довольна!

Баден. Слушаю, великий Ульрих.

Магистр. Пока не обнажены мечи, воюют пергаменты. Еще не все готово для походной трубы, далеко не все! Мы перебесим славянских собак, чтоб кусали и рвали свои же хвосты, и тогда будем их бить обухом по черепам!

С лестницы башни спускается Кунигунда фон Альфлебен. Наряд ее роскошен, ее плечи и руки вызывающе оголены. Магистр, увидав Кунигунду, яростно топает ногой и отпускает рыцарей.

Разрешаю удалиться!

Рыцари уходят.

2

Кунигунда. Здравствуй, мой добрый Ульрих...

Магистр. Прочь! Шелудивая шлюха! Мясо на пиршество червям!

Кунигунда. Великий магистр... я... помилуй...

Магистр. Замолчи, чума тебе в кровь... Голую велю привязать к хвосту жеребца, пустить вскачь, чтоб все камни мостовых окровавила!.. О-о-о!..

Кунигунда. Опомнитесь! Тише! Ведь я — слабая женщина, мой рыцарь...

Магистр. Ты — падаль для воронья! Ты — дьявол! Опять с каким-то пленным рабом затеяла шашни?.. Фу, стыд! Стыд!..

Кунигунда. Ах, вас тревожит подарок немого комтура — этот русский бычок?.. Увы, увy, мой монах, виновата не я... Нет, нет... не я... Возьмите обратно все подарки, украшения, платья! Они не стоят моей юности... *(Закрывает шарфом лицо.)*

Магистр. Только не плачь... Не вой! Твои слезы всегда ранят меня... Ах, ах!.. Я собираюсь повергнуть к своим ногам половину христианского мира, половину мира, быть может, весь мир, а ты... не уважая ни моих седин, ни этого святого креста на плаще... ты... мне изменяешь? Да? Ну, открой же лицо, открой...

Кунигунда. Как я могу изменить тебе, Ульрих? Ты мой — мудрый, могучий... красивый!.. Мой бог!

Магистр. Да, пожалуй, сильнее меня нет

сейчас властелина на земле. Этот колдун из Египта спрашивал звезды...

К у н и г у н д а. И что? Что сказали звезды?..

Ма г и с т р. Они предвещают удачу. Удачу во всем!.. Лишь о тебе я еще не спросил. Вот спрошу и узнаю все!

К у н и г у н д а. О, я не боюсь. Господь знает мою добродетель...

Ма г и с т р. Добродетель...

К у н и г у н д а. И преданность вам...

Входит Г у г о д е Д е ф е.

Д е ф е. Великий магистр, из Эльбинга... рыцарь Вальде доносит: вновь взбунтовались пруссы и дерзко отказались платить святую дань.

Ма г и с т р. Передай брату Вальде: селенья непокорных сжечь дотла и всем мужчинам от мала до велика отрубить правые руки, дабы впредь не поднимали их на немецкий крест!.. *(Глядя на Кунигунду.)* А... всех женщин... там... сечь плетьюми... Дань собрать! Аминь.

Г у г о д е Д е ф е с поклоном уходит.

К у н и г у н д а. Вот когда ты такой — прозный и беспощадный... *(почти сентиментально)* ...я тебя особенно люблю, Ульрих...

Магистр. А у меня всегда и везде перед глазами сияешь ты, как белая пена, Кунигунда... *(Целует ее.)* До встречи за столом.

Кунигунда. Сегодня пир?

Магистр. Да. Не скучай! Господь да хранит тебя... *(Уходит.)*

Кунигунда провожает его в позе, полной любви и смирения. Но как только магистр скрывается, она мгновенно преображается: метнувшись, резко смеется, рвет зубами платок, который до этого держала в руке, подбегает к лестнице.

Кунигунда *(зовет)*. Генрих!

Кнехт Генрих медленно спускается по лестнице, ведя на веревке связанного Иванко.

(Вырывает веревку из руки кнехта.) Уходи!..

Кнехт Генрих убегает.

За мной!.. *(Тащит Иванко вниз.)* Ты все глядишь в землю, русский? Какой смешной! Подними же глаза на меня! Ну!.. Бедный варвар! Хочешь, я сыграю на лютне, а ты спой какую-нибудь песню. Свою... русскую песню...

Иванко. Отстань от меня, немка! В неволе и птица не поет.

Кунигунда. Какие у тебя мягкие волосы! И плечи какие широкие! Ты, верно, очень

силен! Слушай, русский (*выставляя ногу*), вот ноги, стройнее которых ты никогда не видал и не увидишь! Встань! Мои груди округлы, тверды, как яблоки! Кожа моя так бела и прозрачна, что сквозь нее просвечивает каждая жилка!

Иванко смеется.

Разорви тебя чума, ты что, мужик, не слушаешь меня? Чему ты смеешься?

Иванко. А тому смеюсь: у нас на базаре во Пскове, когда мужики корову продают, вот и хвалятся: глянь на копыта, глянь на вымя, глянь на рога! А глянешь — корова, что корова, еще самая худая!

Кунигунда. Грязный раб! Я велю тебе вырвать язык!..

Иванко. Сила нынче твоя, а воли твоей на меня нету. Тошно мне от тебя. Отстань!

Кунигунда. Глупый, темный мужик! О! Я знаю, почему ты пренебрегаешь мной! Иди сюда, к окну! Видишь, темная круглая башня? Внизу, в скале, высечены глубокие колодцы. Туда не достигает свет. Там, на дне, сидят наши пленники! Что ты побледнел, пскович? Да, там сидят... две грязные девки, которых взяли с тобой!

Иванко. Олюшка... Избранка... Стало быть, они живы? Живы!

Кунигунда. Они умрут! Я прикажу в их колодец не бросать больше пищи! А когда от их тел станет разить смрадом, я велю спустить тебя в тот же колодец и... тогда уж тебя почаще кормить! Ну, что же ты не смеешься, русский? Смейся!.. Ну, смейся!..

Иванко (смеется). А, на!.. Смехом-то Псков силен!.. Хо-хо-хо-хо-хо-хо!.. (Хохоchet, свистит.)

Кунигунда в растерянности отступает от него. Короткая пауза. Вбегает кнехт Генрих.

Генрих. Госпожа! Сюда идет польский король.

Кунигунда. Что ему надо?

Генрих. Он бродит везде, как душа в чистилище... Видите? Вот он! Идет! Ну и смешной человечек!

Кунигунда. Не болтай! Уведи раба!..

Кнехт Генрих уводит Иванко вверх по лестнице. Входят король Владислав Ягелло и его секретарь Збигнев Олесницкий. Ягелло мал ростом, у него лысый череп, седые волосы длинными прядями заложены за уши, редкая бородка, обрюзглое незначительное лицо. Он идет, сгорбившись, глядя в землю, как будто в глубокой задумчивости. Подчеркнуто прост его черный кафтан и серый бархатный плащ и дорож-

ные старые сапоги. Грудь короля покрыта множеством крестиков, образков и ладанок с мощами. В руках четки. К у н и г у н д а, оглядев Ягелло, уходит наверх.

3

Ягелло. Помилуй меня, Иисусе, по великой милости своей... Ибо в беззакониях зачат я и в грехах родила меня мать моя... (*Закрывает руками лицо, молчит, сквозь пальцы наблюдая за Олесницким.*) Ты не смеешься над своим бедным королем, мой Збигнев?

Олесницкий. Нет, мой король.

Ягелло. Жаль... Впору было бы смеяться... Ай-ай-ай!.. Позор, позор! Подумай, Збигнев, я приехал сюда для мира, для любви, для милосердия... В кровожадную пасть немецкого волка я вложил седую свою голову... Жертвуя честью, я прокрался сюда под чужим именем, чтоб никто не узнал. Матерь божья! Я все, все делаю для мира, уступаю земли, плачу деньги! И седьмой день меня заставляют бродить по коридорам!

Олесницкий. Да, ясная мощь, унижениям нет конца. Немецкая спесь издевается над вашим миролюбием...

Ягелло. Миролюбие! Ах, миролюбие... У меня уже нет сил сражаться с немцами! За них — весь мир! Нет, Збигнев, в политике нужна хитрость... А вот хитрости и нет у ме-

ня! Я только думаю так: когда все может погибнуть... *все!*.. то не разумно ли будет уступить немцам — *часть... часть!*.. Договориться... тихо и мирно...

Олесницкий. Часть? Чего?

Ягелло. Чужого! Чужого, мой Збигнев! Ты удивлен? Видишь, я не так уж прост! Боже, научи меня простоте!

Олесницкий. А если брат ваш, литовский князь Витовт, узнает, что вы были здесь и сговорились с немцами?

Ягелло. А разве мой братец Витовт сам не заключил договора с орденом? Он первый предал меня.

Олесницкий. Это еще неизвестно.

Ягелло. А разве известно, что я приехал сюда? И разве не лучше предать самому, чем быть преданным?

Олесницкий. Честь... наша честь...

Ягелло (*перебивая*). Честь, честь... Честь важна только для девушек... Наша честь — вот дырка на этом кафтане: поставь на нее заплату — все равно каждый заметит, что здесь была дырка. Да, мой Збигнев, твой король обманут и предан...

Олесницкий. Князь Литвы сам не ведает, что натворил. Нет, я не верю в его измену! Ваш брат...

Ягелло. Зато мой брат верит немцам. Он верит. Они поклялись ему. Обещали мир и солгали четыреста тридцать раз, и четыреста тридцать раз он поверил. Ах, магистр! Ну, обманщик обманется сам!

Олесницкий. Как обманется? Магистр — хитрейший политик в Европе. Там, где вы обманете его однажды, он трижды обманет вас!

Ягелло. А меня господь умудрит и четырежды... Наконец, мой Збигнев, разве я так кровожаден? О, нет! Ну, какой я воин? Я — книжник и поп!

Олесницкий. Вы хотите мириться с заклятым врагом!.. Простите, ясная мочь. Вы можете по возвращении в Краков казнить меня, но я скажу: это все же наша измена! Это — позор для Польши!

Ягелло. Молчи! Как ты смеешь судить меня? Молчи, мой благородный глупец! Если я не предам брата, брат предаст меня. Ведь вот и по библии: когда бы Каин не убил Авеля, то Авель непременно убил бы Каина... (Смеется.) А?..

Внезапно зазвучали трубы. Ягелло вскочил. Входят великий магистр, Лихтенштейн и Гуго де Дефе.

Ягелло (*идет навстречу рыцарям, бормоча*). Иисусе... Иисусе... смири и укроти злую гордость мою...

Магистр играет мячами; подбрасывает и ловит их на лету.

Дефе. Ловко! Ловко! Ах, ловко!

Ягелло. Поистине ловко! Кто ты, рыцарь, играющий мячами?

Магистр (*насмешливо*). А кто ты — пилигрим или просто нищий? Ты видишь, я гадаю на мячах. (*Роняет один.*)

Ягелло (*бросается, поднимает*). Игра! Можно гадать еще, выдергивая волосы из головы. Выдернув послелчий, не трудно узнать, когда ты облысеешь... (*Подает мяч.*)

Лихтенштейн. Перед вами великий магистр ордена Ульрих фон Юнгинген.

Ягелло. О-о-о... (*Опускаясь на колени перед магистром.*) Благословите, святой брат!

Магистр (*благословляя*). Только нынче узнал, что под скромным именем простого пилигрима приехал к нам сам великий король Польши Владислав Ягелло.

Ягелло. Я писал вам...

Магистр. Не помню. Поклон.

Ягелло. И вам поклон, высокородный магистр. Как здоровье ваше?

Магистр. Слава святому Либерию, сносно. Под ненастьем лишь ноют старые раны...

Ягелло. Да, да, старые раны... В нашем возрасте они дают о себе знать...

Магистр (усмехаясь). Все ничего... но вот левое плечо... Здесь — рубец от польского топора...

Ягелло. А у меня — нога. Нога, великий магистр... Лет двадцать назад впиалась в нее немецкая стрела... Упаси господи, вспоминать зажившие раны...

Магистр. Ну, вот...

Ягелло. Вот так-то...

Улыбаясь, они глядят друг другу в глаза. Оловянный взгляд магистра и острый, птичий взгляд короля стоят один другого.

Магистр. Какой счастливой звезде обязаны мы, что она привела вас к нам?

Ягелло. Зачем я приехал? Разве вам неизвестно? За миром! Что хотите вы? Я соглашусь на многое, лишь бы рубежи наши не озарялись пожарами, не проливали бы море слез вдовы и малые сиротки... Какие обиды между нами? Какие споры? Давайте решим их

без брани, по евангельскому завету. Вот я перед вами без оружия, без свиты, с раскрытым сердцем — навстречу доброу.

Магистр. Хм-м... Мы также не досыпаем ночей в заботах о мире... Но давайте говорить, сир, как воин с воином, без уверток и праздных молитв, ибо час обедни прошел. Сядем, сир.

Ягелло. Сядем...

Магистр. Скоро я двину войска на Восток, на непокорную Литву и на Русь.

Ягелло. Знаю, знаю... Это ужасно... это ужасно!.. Ужели все восточные славянские земли вы решили предать мечу? И древний Вильнюс, и Минск, и Полоцк, и Смоленск... и Псков?..

Магистр. Лишь бы не ваш Краков!

Ягелло. Да, верно... Лишь бы не мой Краков... Какие споры у нас? Давайте решим!

Магистр. Цену мира хотите вы знать?

Ягелло. Увы... Условия...

Магистр. Условия ордена таковы: вы отдаете в наше владение на вечные времена земли Помории и Познани, земли Добжина и Иновроцлава и все Мазовецкие земли и все города, кои лежат на них: Гнезно и Познань. Добжинь и Млава, Плоцк, Бжесць и Калиш,

Недзѣбож, Рожан, Остроленка и Ломжа и наш город Данциг...

Ягелло. Как вы сказали? Данциг? Вот не слыхал. Гданск — есть такой город, а Данциг — не знаю.

Магистр. Данциг — наше, немецкое название.

Ягелло. Ах, название... Может быть... А как Варшава?

Магистр. Что Варшава?

Ягелло. Вдруг назовете ее по-своему... И не Варшава она уже будет, а скажем, Ваошгавен... И Коаков... Скажем не Краков, а Кракциг или Краксгоф... Что тогда, благородный магистр?

Магистр. Я шутить не расположен, сир.

Ягелло. Пречистая дева, я не шучу! Разум мой слабый не в силах понять... Вот ведь и Гданск — древний польский город... И вспомните, великий магистр, что и Силезия, и Помория, все земли на запад от Вислы до Одера — все исконные земли славян. Да, как бы вы их ни назвали. А разве Пруссия — это не литовская земля?

Магистр (*багровея, поднимается с кресла*). Как?! Вы смеете посягать на то, что богом дано ордену?!

Ягелло. Ах, зачем столь высокие слова! Разве бог вам дал, а не вы сами взяли силой железа?

Магистр. Так вот как хотите вы мира?.. Вы хотите войны?

Ягелло (смирненно). О, нет... Помилуйте, высокородный магистр... Я ведь только напомнил вам, на чьих землях живете вы... только напомнил... И все ли сказали вы, что хотели бы вновь получить... от бога?..

Магистр. Все сказал.

Ягелло. Все?

Магистр. Все. Или мало?

Ягелло. Немного. Но все же — за что?

Магистр. Как за что?

Ягелло. Где это видано, чтобы столько богатых земель и городов отдавали даром? Отдают яблочки, груши, но не города... А?

Магистр. Даром ли? Мы обещаем вам мир.

Ягелло. Это щедро. Но и только?

Магистр. И город Брест.

Ягелло. Однако Брест — это Литва...

Магистр. Да, Литва.

Ягелло. А на Литве княжит мой возлюбленный брат Витовт. Вы предлагаете раздел его земель или я ослышался?

Магистр. Нет, не ослышались.

Ягелло. Вы предлагаете мне братоубийство?

Магистр. Политика не знает родства.

Ягелло (*рассмеявшись тихим блеющим смешком, встает и как-то боком прохаживается, с веселым лукавством поглядывая на магистра*). Но у вас с князем литовским записан мирный договор. А?

Магистр. Договор — это всего лишь пергамент.

Ягелло. Ах! Так договор есть! (*Вдруг боком подходит к магистру и, приблизив к нему смеющееся лицо, лукаво грозит пальцем.*)

А Брест — это мало. Очень мало!

Магистр (*поражен*). Мало?

Ягелло. Клянусь! Уж если мне предавать брата, так было бы хоть за что. Белую Русь с городами: Новогрудок, Волковыск, Слоним и Гродна — вот плохой, скромный, но все же обмен за Мазовию... (*Садится.*) Да, Белую Русь — и не меньше!

Магистр (*встает*). Нет!

Ягелло (*вдруг заплакав*). Спаси нас господь... Тогда война!

Магистр. Сир! Я могу сейчас приказать, и вас бросят в колодец башни, откуда узники выйдут только на Страшный суд!

Ягелло. Знаю, знаю... Я доверился вам. Я

здесь. Но если что случится со мной, кто тогда удержит польский народ от помощи Литве и Руси? Тогда, великий магистр... все враги ваши... соединятся...

Магистр (в ярости). Святая кровь! (Указывая тростью на Ягелло.) У конца моей трости сидит плут!

Ягелло. У которого конца, сир?..

Магистр. Святая кровь!

Ягелло. Клянусь! Я не хочу войны! Вот в этой ладонке пальчик святого Игнация. Клянусь!

Магистр. Я также... клянусь. (Гуго де Дефе.) Брат Гуго, ты слышал все. Ступай и вместе с клириками-секретарями составь наш договор.

Гуго де Дефе кланяется.

Ягелло. Благородный рыцарь, уж вы не забудьте, какие я называл города... Да припишите еще Слуцк! Великий магистр, это совсем, совсем небольшой городок, но вблизи в рощах водится много соловьев, а я так люблю слушать их пенье. (Олесницкому.) Збигнев, ступай, помоги в составлении пунктов. Иди, иди, что ты так на меня смотришь? Ты смеешься над бедным своим королем?

Олесницкий. Нет, ваша мосць.

Ягелло. Иди же!
Олесницкий (тихо). Боже, спаси Польшу.
Гуго де Дефе и Олесницкий выходят.

5

Поднимается гобелен. В глубине на возвышении—длинный трапезный стол. За столом—рыцари: Генрих фон Тетинген, Марквард Зальцбах, Рюрих, Арнольд фон Баден, Фридрих фон Валленрод. Слуги несут вина и яства. Трубят герольды. Входят Кунигунда фон Альфлебен, сопровождающие ее дамы и астролог.

Герольд. Прекраснейшая дама Германии, госпожа Кунигунда фон Альфлебен, баронесса Бранденбурга!

Ягелло. Как? Монашеский орден... и женщины?

Магистр. Эти дамы прославлены во всех добродетелях, а их госпожа — моя крестная сестра.

Поклоны. Входят иностранные рыцари-кестоносцы.

Герольд. Иностранные гости и союзники нашего ордена: патриций Антонио Сальвари из Флоренции — рыцарь герба Единорога; выскородный герцог Конрад Австрийский — владетель горного Пфальца; венгерский рыцарь Филаф Машмура — герба Воющей африканской

лисицы; испанский рыцарь Филипп Эрибис де Эревента из Барселоны — герба Луны, разрубленной топором...

Поклоны. Рыцари проходят к столу. Магистр ведет Ягелло, подчеркнуто показывая его иностранным рыцарям.

Магистр (Ягелло). Надеюсь, вы видели, сир, как неприступны укрепления нашего Мальборга? Нигде в мире нет твердыни, подобной этому замку.

Ягелло. Да, рвы ваши широки и стены весьма высоки, но что рукой человека построено, то человек и разрушить может. Вы знаете, что связывает камни? Известь. А знаете, что людей? Любовь к отчизне.

Сальвари. Кто это? Монах или ученый?

Валленрод. Тс-с-с... Это польский король Ягелло.

Эрибис. Как? Польский король? Это он?

Рыцари теснятся, разглядывая Ягелло.

Машмура. Го-го!.. Ну и жалкий же вид у него!

Тетинген. Он был горд, но господь покарал его и склонил его шею перед нами.

Ягелло, смиренно опустив голову, проходит меж рыцарей под градом насмешек.

Рыцари-гости. Он не похож на короля!.. Это просто сельский звонарь. Видать, поляки — ничтожный народ... Почему он так бедно одет?

Валленрод. Он приехал сюда тайком кланчить у нас дружбы и мира...

Сальвари. Я могу подарить ему две-три монеты, если он поклонится мне.

Ягелло (*вдруг поворачивается к нему и кланяется*). Жду вашей награды, рыцарь! (*Властно смотрит в глаза рыцаря.*)

Смущенный Сальвари пятится и кланяется королю в ответ.

Сальвари. О-о-о...

Ягелло. Доброе утро, рыцарь!

Сальвари. Как, мессир... уже вечер...

Ягелло. Я сказал вам: доброе утро!

Сальвари. Да, да... доброе... доброе утро...

Ягелло проходит, садится за стол.

Магистр. Благородные гости и братья-рыцари, господа меча! С именем Карла-Иисуса — патрона немецкой силы — преломим наш монашеский хлеб и возольем вино! *Pater noster, qui est in coelis sanctificatur nomen tuum.* (*Протягивая кусок Ягелло.*) Примите из рук моих, сир. Вот мой глоток. (*Ко всем рыцарям.*) Возвеселимся во господе!..

Э р и б и с. Да здравствует могучий Тевтонский орден! Вив-ля, вив-ля!..

Т е т и н г е н. Да пошлет бог истребить всех славянских сарацин!..

В а л л е н р о д (поет).

Христос воскрес!.. Христос воскрес!..

Р ы ц а р и (подхватывают песню).

Он сокрушил рога диавола!
Архангел огненным мечом
Нам путь укажет в рай!
Христос воскрес, Христос воскрес,
О, Карл-Иисус,
Могучий наш немецкий бог!..

С а л ь в а р и. Гроб господен! Когда я был в Испании...

М а ш м у р а. Вызываю на спор: за один при-
сест съем эту кабанью ляжку!

Э р и б и с. Но без капли вина! Двести ефим-
ков!

М а ш м у р а. Согласен. Ваш кошелек на
стол!

Б а д е н. С Русью будем сражаться, месси-
ры! С новгородцами и московитами!

К о н р а д. Московиты? Я слышал, что это
самое опасное из всех восточных племен: у каж-
дого из них как будто по три ноги, и они пьют
конское молоко...

Сальвари. О, я окуну свой меч в их кровь по рукоятку! В Палестине я обезглавил трех великанов... Каждый ростом в сорок локтей... От их дыхания падали кони...

Тетинген. Пленных ведут!..

Кнехты вводят группу связанных пленников с ошейниками на плечах. Среди них — Иванко. Среди кнехтов — Большой Карл и Генрих.

Кунигунда. Генрих! Зачем ты привел его?.. Назад!

Магистр. Нет! Оставьте! Это я повелел, Кунигунда... Покажите рабов гостям!

Кунигунда. Зальцбах! Возьмите обратно ваш подарок! Он не хочет быть моим пажем, носить шлейф, улыбаться! Дайте ему работу полегче: вертеть мельничное колесо или чистить навозные ямы!

Магистр. Оставь его, Кунигунда! Садись!

Рюрих. Пленники немного комтура брата Зальцбаха! *(Подводит на веревке закованного Иванко.)* Вот это, благородные господа-гости, русский мужик из племени псковичей!

Эрибис. О-о, это бык!

Сальвари. У него широкие плечи...

Валленрод. И, видать, сильные руки...

Сальвари. На нем хорошо воду возить!

Конрад. Или впрячь в соху...

Машмура. Эй, раб, скажи что-нибудь на своем языке!

Рюрих. Говори!

Иванко. Чего уж!.. Ругайтесь досыта, храбрые рыцари...

Эрибис. Что? Что он сказал?

Тетинген. Пленных девок ведут плясать! Язвы христовы!

Кнехты бичами подгоняют толпу одетых в лохмотья пленниц. Среди них — Ольга и Избрана. Пленницы прижимаются друг к другу, стараясь лохмотьями прикрыть наготу.

Иванко. Олюшка!.. *(Рванулся к ней.)*

Кнехт Генрих удерживает его за веревку.

Избрана! Ты жива, Оленька!..

Ольга. Иванко!.. Любый!

Конрад. Смотрите, они узнали друг друга!

Сальвари *(глядит на Избрану)*. Посейдоном клянусь, вот прелестная девка! *(Подходит, смотрит на Ольгу.)* А эта еще лучше! Ах ты, плутовка!..

Ольга. Не трогай меня, пес!

Сальвари. А где же у нее три ноги? А, мессирь? Глаза, губы, волосы, грудь — все устроено, как у всех!

Машмура. И даже лучше устроено! Ха-ха-ха!..

Избрана (отступая от Машмуры). Олюшка... Ой, этот рыжий глядит... страшный... Я боюсь его, Олюшка! И руки у него нет, глянь, не рука, а крюк...

Машмура. Хватит тебя обнять! (Обнимает ее.)

Ольга. Отпусти ее, пес! Она ребенок еще. Отпусти же!

Сальвари (Зальцбаху). Сир! Продайте мне вашу пленницу! Сколько? Вот мой кошелек!

Зальцбах. Га!..

Рюрих. Русские рабыни ценятся дорого. Каждая — тысячу талеров!

Сальвари. Беру!.. Ты счастлива, девка! Твой хозяин теперь — я! Я!.. Знаменитый палладин!.. (Схватил Ольгу.) Идем!

Иванко. Эй! Не тронь ее!

Сальвари. Что, что?

Иванко. Пусти ее, немец! Говорю, пусти! Нето зашибу.

Тетинген. Он грозит вам, сир.

Сальвари. Грозит? Вот несчастный! (Тащит Ольгу дальше.)

Иванко. Стой!.. (Ударом ноги отбрасывает кнехта Генриха; приседает, — путы рвутся, и,

пригнувшись, бросается, хватает Сальвари, поднимает и со звоном швыряет на стол — на вина и яства. Обнимает Ольгу, грозя кнехтам.)
Эй, не подходи!..

Рыцари вскакивают с мест.

Сальвари. А-а-а-а!..

Тетинген. Кнехты!.. Возьмите его!

Магистр. Стойте! Благородные гости, я покажу вам редкую забаву. Унесите рыцаря: он сам виноват, что оказался слаб. (Иванко.) Ты что же, раб, думаешь один устоять против всех нас? А? Вот, господа, как хвастлив и глуп этот русский народ!

Иванко. Наш народ простой, в золоте не ходим и не бьемся десять на одного, по вашему обычаю... А вот если кто из вас не струсит выйти ко мне один-на-один, посмотрим, чья кость крепче! Выходи, немец! Любой!

Шум за столом.

Баден. Ты — темный раб, горсть грязи! Кто станет мараться об твою шкуру, свинья, тот потом и рук не отмое!

Иванко. Ничего, кровью своей умоешься! Выходи!

Кунигунда. Отрубить ему голову за наглость!

Магистр. Тише! Послушай, хвастливый раб, а нашего кнехта-мужика ты поборешь один-на-один? А?

Иванко. Для вашей забавы тужиться не буду.

Магистр. А не только для нашей забавы ты будешь бороться, но и для себя. Одолеешь нашего бойца, и пойдешь со своими девками, куда захочешь, хоть обратно к себе на Русь.

Иванко. Отпустишь нас?

Магистр. Отпущу.

Иванко. Обманешь...

Кунигунда. Слово магистра — железное слово.

Валленрод. Рыцари с крестом на плаще не лгут.

Магистр. Я обещаю!

Иванко. Ин, ладно! Поверю тебе! Давай! Где твой боец?

Магистр. Я выставяю кнехта Большого Карла!

Баден. О-о-о!.. Большой Карл? Хох!..

Тетинген. Прусский Самсон!

Кунигунда. Сильнее нет человека на земле!

Валленрод. Он из русского выжмет сок

К у н и г у н д а. Он сразу ломает ему хребет. Вот увидите.

Большой Карл, ухмыляясь, выходит вперед.

Я г е л л о. Вот это и есть Большой Карл? Большой?

К у н и г у н д а. Разве он не велик?

В а л л е н р о д. Сильнейший из кнехтов! Он одним ударом кулака валит быка на землю.

Я г е л л о. Неужели? Быка? Кулаком? Ай-яй-яй... Глупый бык!

Ма г и с т р. Что, Карл, сломаешь этого раба?

Б о л ь ш о й К а р л. Я съем его!

И з б р а н а. Ой, Иванко, он одолеет тебя... Глянь, медведь!..

О л ь г а. Лучше откажись, милый.. Не ходи на смерть!

И в а н к о. Ништо... И медведя брал, а немец-то без когтей... Ты только, жена, как лихо станет, крикни мне... ладно?

О л ь г а. Ладно...

И в а н к о. Ну, биться-то как будем с ним — на мечях али топорах?

Ма г и с т р. Дать тебе оружие в руки? Хитер! Биться будете голыми руками, пока один другому не наступит коленом на горло. А тогда, Генрих, ты подашь победителю нож, и пусть он зарежет побежденного без пощады.

Машмура. Ставлю за немца тысячу против пятисот!

Эрибис. И я за немца! Кто против? Вы?

Конрад. Нет, мессир, я еще не настолько пьян!

Ягелло. Я, пожалуй, приму — пятьсот марок за тысячу!

Машмура. О, сир! Ваш кошелек!

Ягелло. Вот. Кладите и ваш.

Магистр. Богатства ваши сейчас не столь велики, чтоб бросать золото горстями, сир.

Ягелло. Господь на бедность поможет мне выиграть.

Магистр. Во имя Иисуса, сокруши неверного, Карл! Начинайте!

Иванко. Господи, благослови!

Противники сходятся. Борьба. Иванко и Большой Карл сплетаются руками. Карл рванул Иванко к себе и поставил ногу. Иванко вырывается и отскакивает.

Эрибис. Ого!..

Тетинген. Русский — трус!

Кнехт бросается, обхватывает псковича, тот опять увертывается. Снова сплетаются руками.

Баден. Ага!.. Он гнется!

Машмура. Сейчас он ляжет! Сейчас!

К у н и г у н д а. Сломал!.. Уже!.. Уже!..

К о н р а д. Нет еще...

Т е т и н г е н. Карл! Горло дави ему! Горло!..

З а л ь ц б а х. Га!.. Га!..

К у н и г у н д а. Подножку ему!.. Скорей подножку!..

Кнехт обнимает Иванко, давит, наваливается.

М а ш м у р а. Он уже раздавил его!..

К у н и г у н д а. Карл! Карл! Ешь его!..
Жри!..

Иванко в объятиях немца все клонится и клонится назад. Ноги его скользят.

О л ь г а. Иванко!.. Любый!..

Всем кажется, что Иванко уже побежден. Они радостно кричат. Иванко сам бросается на пол, но не спиной, а боком, и Большой Карл перевортывается.

К у н и г у н д а. А-ах!..

Т е т и н г е н. Дьявол!..

Иванко валит Карла на лопатки, прижимает руки и становится коленом ему на грудь. Тишина.

И в а н к о. Все, магистр! Гляди, теперь не вырвется!

Я г е л л о. Человек умнее быка, мессирь! Ваш кошелек?

Магистр. Дайте ему нож! Режь его, русский! Прикончи эту падаль!

Кунигунда. Он опозорил немецкую силу! Смерть ему!

Конрад. Бей его!

Кунигунда. Бей!.. Бей!..

Иванко. У нас на Руси лежачего не бьют! *(Встает.)*

Тетинген *(подойдя к Большому Карлу)*. Ты, червяк, недостойн быть кнехтом! Пошел убирать навоз! *(Носком сапога ударяет Большого Карла в лицо.)*

Большой Карл встает и, шатаясь, уходит.

Иванко. Ну, магистр, свободны мы?

Магистр молчит.

Ты обещал!

Кунигунда. Слово, данное рабу,— не слово!

Ягелло. Вы ошибаетесь, госпожа. Слово рыцаря — всегда слово, записано ли оно на пергаменте или сказано вслух...

Иванко. Отпускаешь нас?

Кунигунда. Оставить один глаз на троих! Им хватит и одного, чтоб отыскать дорогу!

Иванко. Мы на Русь и слепые дойдем!

Ягелло. Если слово магистра — не слово

рыцаря, я выкуп даю за этих рабов! Кто назначает цену?

Магистр. Слово мое не имеет цены, сир! (Пленникам.) Идите к себе домой. (Куно фон Лихтенштейну.) Волоса не тронуть на них. Дать им охранный пергамент!

Куно фон Лихтенштейн выходит.

(Пленникам.) Ступайте!..

Иванко. Прощайте, рыцари! (Ягелло.) Спасибо тебе, господин. Может, когда в жизни смогу тебе добром послужить... (Уходит с Ольгой и Избраной.)

Молчание.

Конрад. Магистр поступил благородно!

Рыцари. Тише! Магистр гневен!.. Тише!..

Ягелло. Хороший, умный купец никогда не обсчитывает на грош, а уж если придется, так сразу на сто червонцев.

Входят Гуго де Дефе со свитком пергамента и Эбигнев Олесницкий, вслед за ними Куно фон Лихтенштейн.

Магистр (рыцарям). Я прошу гостей веселиться! (Проходит вперед с Лихтенштейном.)

Позади опускается гобелен.

Лихтенштейн. Великий магистр, договор готов.

Олесницкий. Ясная мосць, договор составлен на двух листах на латинском языке.

Магистр и Ягелло разворачивают свитки, читают.

Ягелло (читает). «...и всю Мазовию от Бельска до Вислы...» Великий магистр, что будет с мазовецким населением?

Магистр. В писании сказано: «дабы собрать мед из сотов, нужно выкурить пчел...» Вот моя подпись. Теперь подпишите вы.

Ягелло. Подписать? Могу ли я?..

Олесницкий. Откажитесь, ясная мосць! Лучше мучеником быть! Это дело Иуды!

Ягелло. А разве Иуда не мучился? Разве не ему обязаны мы, что Христа распяли и этим спасли все человечество? Иуда Искарот был святым! Ему надо воздвигнуть храмы!

Дефе (Ягелло). Вот новое перо.

Ягелло (подписывая). Боже великий, перо пишет кровью. Это братская свежая кровь! Мюнах, чернила красные...

Дефе. О, нет... Чернила черные, совсем черные!..

Ягелло. Как твоя душа... Я подписал.

Магистр. Выпьем кубки за наш союз!

Ягелло. Налейте мне только не вина, а желчи! Ради мира и любви наших народов мы подписали, не так ли, сир? Или я простофиля? Вы не обманете меня?

Магистр. Мир и любовь!

Ягелло. Верю вам, сир! Позвольте мне удалиться в часовню, подумать о вечном спасении... (Откланявшись, уходит с Олесницким.)

Магистр. Святая кровь! Это скорпион, а не человек! Но, слава господу, наш немецкий разум теперь обезвредил его яд. Польша сидит в мешке, в мешке, мой Куно!

Лихтенштейн. И мешок завязан!

Магистр. Завязан! Осталось только бросить его в воду! Зови Фабриаса!

Входит сухопарый Фабриас в дорожном костюме странствующего ученого.

Лихтенштейн. Вот лучший из наших соглядатаев. Он умеет ходить, не оставляя следов, слушать сквозь стены и видеть даже тайные мысли человека!

Магистр. Прошлой зимой, Фабриас, ты жил в Праге?

Фабриас (с усмешкой). Я написал там латинский трактат «О главных торжествах деви Марии».

Лихтенштейн. И так втянул всю Чехию

в свою паутину, что и паук не лучше опутал бы мух!

Магистр. Так слушай, мастер! Ты немедленно поедешь читать лекции в Краковской академии. Прикинься поляком, не мойся, не брейся, напиши латинский трактат хоть о хвосте самого дьявола, и король Ягелло сочтет тебя за святого. Вотрись в доверие, стань его духовником, наблюдай, ищи, выслеживай, а главное — нарушай все связи его с Литвой и Русью! Почаще пиши нам. И помни — будут еще поручения! Но будь осторожен. Король Ягелло лукав и хитер.

Фабриас. Великий магистр, еще не родился человек, которого я не обманул бы!

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Опушка дремучей пуши. Под развесистым деревом — группа охотников. Среди них своим мощным телосложением, властным, львиным лицом, в ореоле седых волос и богатством одежды сразу выделяется великий князь Литовский и Русский Витовт Кейстутович. С ним — Смоленский воевода Юрий Лугвениевич и воевода Волковысский Вингала. Издали доносятся собачий лай и трели охотничьих рогов. Эти звуки опьяняют Витовта.

1

Витовт. Уже пошли! Пошли в загон! Егеря спускают собак! Эх, накрыли бы здоровенного тура! Беги! Торопи! Что они медлят?.. Я жду! Я не умею ждать! И ты торопись или — горе ленивцам.

Старый слуга (молодому, тихо). Гляди, малый, на князеньку нашего... Так весь и горит! Ох, литовский наш сокол Витовт! Шестьдесят уж годков за плечами, а на охоте словно юнец.

Витовт. Звонко трубят! Славно трубят! Зашевелились, бездельники! Что же ловчий о звере не доложит? Ведь пора уж, пора! Беги, скажи: первому, кто увидит тура, золотом шапку насыплю! Эх, скорей бы! Не терпится! Где мой арбалет?

Юрий. Вот, княже!

Витовт. А что? Недурной подарок прислал мне немецкий магистр! Арбалет из Фландрии—смотри, какие тут нарисованы рожи! И голая девка! А?.. Веселая девка! Стрела пробивает панцырь, как лист лопуха!

Юрий. Немцы носят такие панцыри, княже, что эта стрела не пробьет. Простое копьё вернее.

Витовт. Замолчи! Ни копьем, ни стрелой, ни мечом больше с орденом я сражаться не стану. Довольно! Пусть война уходит в другие земли, хоть к брату моему Ягелло, хоть к чоргу, к султану!.. А я хочу жить спокойно и весело. Гей, гей, вы там!.. (Старому слуге.) Между, дед Яухим! Ух, истомили меня ожиданием!..

Вингалла. Княже! Ловчий скачет.

Топот копыт. Вбегает ловчий.

Витовт. А-а, бездельник!.. Где зверь?..

Ловчий. Княже! Такого тура накрыли, что в свете не видано! Бык-великан! Спешите!

Витовт. А, славно!.. Золота в шапку ему! Эй, коня!

Вбегает егерь.

Егерь. Княже!.. Едет сюда черный возок...

Витовт. Какой возок?.. Что ты болтаешь?

Егерь. Черный с белым орлом... Черный...

Витовт. Черный?

Егерь. Малая свита вокруг. Вот он!

Юрий. Это возок короля Ягелло!

Вингалла. Верно, посол от короля!..

Юрий. Нет... сам король!.. Вот — выходит! Король!

Витовт. Как?.. Брат мой... ко мне?.. Сюда! Да полно, это не он!

Вингалла. Он, княже! Он!..

Юрий. Идет! Король!

Витовт. Какие духи его принесли? Откуда? Без предупреждения... как снег на голову! (Ловчому.) Загоняйте тура к реке! Ждите меня! Пусть небо обрушится — я не отменю охоты!..

Входят король Ягелло, Олесницкий и Фабриас.

Ягелло (с раскрытыми объятиями идет к Витовту). Братец мой... Добрый, любимый братец!.. Здравствуй!

Витовт. Здравствуй, брат... Как ты нечаянно...

Ягелло. Да, да, да, нечаянно. Сам не гадал, что поеду к тебе. Но, вижу, ты рад?

Витовт. Разумеется, брат...

Ягелло. А я с богомолья, да вдруг прямо надумал к тебе в Троки — с малой охраной, без пышности и без грамот, а уж так — запросто и по-братски. Повидать тебя не терпелось. Здоров ли?

Витовт. Я? Как видишь, брат! Недугъов я не знаю, кроме скуки, а нынче — охота... Нам весело, стало быть, я здоров!..

Ягелло. Увы, не в телесном здоровьи вся сила, братец... Нет, не только в телесном... Здоров ли дух, совесть чиста ли — вот о чем нам надлежит спрашивать друг у друга.

Витовт. Дух и совесть? Так, так... Эй, подайте коня королю!

Ягелло. Что ты, братец? Зачем мне коня?

Витовт. Быка обложили! Возьмем!

Ягелло. Нет, братец, уволь... Я считаю грехом зверей убивать ради пустой забавы. И без этого кровь скоро зальет землю, а в писании сказано: «Милуй всякую тварь...»

Витовт. Ну, с этим я не согласен, брат!

Ягелло. Подумай: когда ты с оружием гонишь беззащитного зверя и жаждешь смерти его, то разве это не черное убийство? Скажи: бьешь ты быка, глядя в глаза ему, или подходишь сзади?

Витовт. Странный вопрос, брат! Радость охотника — убить зверя глаза-в-глаза!

Ягелло. А вот немцы целые народы убивают ударом сзади!

Витовт. Не знаю. Если ты приехал говорить со мной о политике, то прости: разгневает этот мне не угоден, брат. Мир и покой на Литве! Мир и покой!

Ягелло. Слава богу! Ты торопишься? Я не держу тебя, братец. Я подожду, пока ты убьешь быка. Только прошу: в глаза быку не гляди, впереди ведь рога, — загнанный бык опасен! Бей в затылок его! В затылок!

Витовт. Хитросплетенными словами меня не запутаешь, брат. Я прям и прост. Иной человек одну скотину помилует, а десять людей задушит! Эй, коня! Прости, брат!.. Потеха зовет! (Уходит.)

За Витовтом уходят Юрий Лугвениевич, Вингалла, ловчий, загонщики, оруженосцы.

Ягелло, тяжело вздыхая, садится на пень, справа от него становится мрачный Олесницкий, слева — хитро улыбающийся Фабриас. Ягелло тихо молится, постукивая четками. Старый и молодой слуги шепчутся в стороне.

Ягелло. Иезус-Мария, помилуйте меня грешного...

Старый слуга (тихо молодому). Он с Плоцкого монастыря приехал. Глянь-ка, все молится.

Ягелло. Пошлите мир и кротость душе моей...

Старый слуга (молодому, так же). Знать, новый обман задумал. Он ведь всегда: «Боженька, божичко, отпусти мне ножичка...» Ништо! Наш князинька нынче ему не поверит!

Ягелло. Ох, Збигнев, мой братец меня обижает...

Фабриас. Страшно сказать, но как встретили вас, так обычно встречают незваных гостей, притом низкого происхождения... Терпение ваше и миролюбие поистине ангельского свойства!

Ягелло. О, да! Я терпелив. Вы — поляк?

Фабриас. Разумеется!

Ягелло. Да, да, я вспомнил. Вы родом из Познани. Вы чисто говорите по-польски, очень чисто, так чисто, как будто долго и тщательно

учили польский язык, отлично шпелеявите, свистите и закругляете каждое слово! Какие еще вы знаете языки?

Фабриас. О, ваше величество...

Ягелло. Какие?

Фабриас. Латинский и греческий...

Ягелло. Прекрасно! Еще?

Фабриас. Арабский, еврейский...

Ягелло. О, бездна учености. Дальше?

Фабриас. Французский, немецкий и чешский...

Ягелло. Чудесно! А когда вы говорите, думаете вы на каком языке?

Фабриас. Празо... не знаю...

Ягелло. Не знаете?

Фабриас. Я думаю...

Ягелло. Неважно! Иные государи окружают себя угодниками и льстецами. А я? Я — нет! Я люблю наблюдать за злобой и хитростью моих врагов, ибо это укрепляет мой слабый дух...

Фабриас. Очень тонкая мудрость, ваше величество.

Ягелло. Вот поэтому справа от меня стоит человек, который тайно меня ненавидит, а слева — другой, который так чисто говорит по-польски, но думает на каком-то другом языке!..

Фабриас. На польском, ваше величество!

Ягелло. Вы сказали на польском, а подумали на арабском!

Внезапно раздался тревожный вой рогов.

Иезус-Мария! Рога играют твоегоу!

Олесницкий. Что это?

Старый слуга. Что так затовбили?..

Олесницкий. Что-то случилось!.. Вот ловчий бежит!..

Ловчий (*вбегает*). Беда!.. Беда!..

Старый слуга. Что?.. Что случилось?..

Олесницкий. Какая беда? Стой!

Ловчий, замахав руками, скрывается за деревьями.

Старый слуга. Великая Поаурима! Неужели с князинькой что худое?

Оруженосец (*вбегает*). Скорее зовите лекаря! Где лекарь?.. Князя тур забодал!

Ягелло. Что?.. Насмерть?!

Фабриас. Он умер?..

Старый слуга. Княжий лекарь вон там!.. (*Молодому слуге.*) Беги! О, боже!

Ягелло. Скажи мне, насмерть?! (*Трясет оруженосца.*) Отвечай отвечай же!..

Оруженосец. Не знаю, пане... не знаю... Мне загошки по цепи перелали... (*Вбегает.*)

Ягелло. Мой братец... Литва!.. Погиб в рогах быка?.. Не может быть!..

Ф а б р и а с. Вы — единственный его наследник...

Я г е л л о. Язык проглоти, чума!

Вбегает Вингалла.

(Бросается к нему.) Неужели мой брат... Говорите прямо!

Вингалла. Чудо!.. Спасен! Чудесно спасен!

Я г е л л о. Спасен?..

Ф а б р и а с. Жив?

Вингалла. И невредим!

Я г е л л о (Фабриасу). Святой отец, помогите мне сесть... Так ослабели ноги... Кто спас моего брата?

Вингалла. Простой мужик. Он словно упал с неба! Огромный тур выскочил из чаши и устремился на нас. Он был разъярен, в его шкуре торчала шетина стрел, и на нем повисли псы. Князь на коне храбро бросился навстречу и напелил копьё зверю помяо в загоивок. Копьё сломалось... Тур поднял коня на рога... Князь упал... Еще миг и тур разорвал бы его рогами и затоптал копытами... Но вдруг из леса выскочил странный человек... мужик... Он схватил тура за рога и с дивной силой пригнула его шею к земле... Тут постели все мы и поразили тура!

Я г е л л о. Мужика этого надо осыпать зо-

лотом! Я ведию в его честь поставить тысячу свечей перед Остробрамской богородицей!

Вингалла. Князя несут!

3

Старый и молодой слуги, ловчие и оруженосцы вносят на носилках князя Витовта. Позади идут литовские бояре; воевода Юрий Лугвениевич, Иванко, Ольга и Избрана.

Ягелло. Вот этот мужик?

Вингалла. Да, и с ним две девки в лохмотьях. Они тоже вышли из леса...

Ягелло. Чудо! *(Подбегает к Витовту.)* Милый братец! Как я за тебя испугался!.. Ты ранен?

Витовт. Спасибо, брат. Но мне еще рано заказывать обедни. Вот кто меня спас! Дядя Яухим, налей! Пусть мой спаситель пьет из моего кубка, а чем наградить его — и не знаю! Что ни дам, все будет мало!

Иванко. Спасибо за честь, княже... И награждать-то меня не за что. Ну, отбил тебя от быка, эка дело! Я — что? Только за рога и держал... *(Указывая на Юрия Лугвениевича.)* Вот он-то быка и прикончил! Ей-ей...

Витовт. Ха-ха-ха!.. Слышали, бояре?.. Он тура только за рога держал... Только! Ну, и силища у тебя, друг! Счастлив псковский народ, что родит таких богатырей!

Иванко. Э-э, княже... У нас народ крепко дюжий. И посильней меня много есть.

Юрий. А кто эти славные девушки?

Иванко. Жена моя да сестренка ее...

Витовт. Одеть их в лучшие платья, чтоб глядели, как боярыни мои! Ожерельями украсить их, жемчугами! Вечеру посадить за ближний стол! Полно кланяться, красавицы, и нечего от меня руками закрываться! Я вам в деда гожусь... Но это все еще не отплата! Чем наградить тебя, пскович? (Ягелло.) Хоть бы ты подсказал, брат!

Ягелло. Я знаю, братец. Я от себя награжу его по-королевски. Храбрый человек! Вот чудесный крестик, в нем запечатан волосок святой Барбары, что хранит от яда змей, пауков и прочей погани. Я дарю тебе эту святыню! Носи!

Иванко. Спасибо за милость... Крестик-то, жалко, иноверческий... А я — русский человек, пан...

Фабриас. С тобой говорит не простой пан, а ясновельможный польский король. Или не знаешь? Вглядишь!

Иванко. Как не знать — знаю. Дней двадцать назад, слава богу, видались...

Фабриас. Где видались? Что ты врешь, мужик?

Иванко. Да зачем же вру? (Кланяясь Ягелло.) Ваша милость спасли меня... Кланяйтесь, Олюшка, Избрана — благодетель наш!..

Ягелло в замешательстве молчит.

Ольга и Избрана (кланяясь). Спасибо... Спасибо.

Витовт. Что же ты молчишь, брат? Ты знаешь их? И даже спас? Где? Когда?

Ягелло молчит, делая вид, что не может вспомнить.

Фабриас. Его величество просто не припомнит...

Иванко. Да припомнить не трудно... Ваша милость, неужто...

Ягелло. А-а... я видел тебя в монастыре... в Плоцке!

Иванко. Да нет же...

Ягелло. В монастыре, в монастыре, я вспомнил! Ты еще во дворе с одним нищим для потехи боролся...

Иванко. Ага! Боролся...

Ягелло. А тот нищий подножку хотел тебе дать, а я крикнул: «Берегись!»

Иванко. Правда... И бросили мне монетку.

Ягелло. Бросил! Ах, память моя! На богомолье встречал его, братец. Возьми-ка вот кошель серебра. Молись творцу и будь на

язык воздержан, ибо нет хуже порока, чем праздная болтовня.

Иванко. Спасибо, пан король. Я болтать не люблю. У нас на Пскове старики говорят: «Кто молчит — не торчит».

Ягелло. Мудро, мудро. (*Фабриасу.*) Ведь мулоо, а?

Витовт. Слушай, пскович, тут недалече деревенька есть — Любеньки звать. Живет там душ сто мужиков — поселенцы, русские люди. Пожалуй, вот будет моя нагоала: деревенька эта с людьми... Дарю! Владей на здоровье!

Юрий. Ого! Стало быть, ты боярином становишь, мужик!

Витовт. Ну, доволен?

Иванко. Доволен, княже. Только в толк не возьму: на что мне та деревенька и мужики в ней? У меня ж на Пскове своя землята есть... Человек я, хоть простой, да вольный. Уж лучше простым на отчине быть, чем на чужбине паном...

Ягелло. Воистину, братец, у этого холопа больше благогольного смысла в голове, чем во всех книгах Тапита. (*Весело подпрыгивая на одной ноге.*) Смелей, смелей, режь всю поавлу, дружок! Рабы ведь всегда учили цезарей, как надо любить свой шалаш.

Иванко. Прости, господине-княже, может, не так скажу... Да мне родимый Псков всего света милее, не гожусь я в твои бояре! (Кланяется в ноги.) Ты уж вместо всякой награды меня с женой на отчину отпусти.

Ягелло. Ах, верно! Отпусти их, братец!

Витовт. Жаль, что служить мне не хочешь... Ну, да ладно. Дать ему коней, одежды, оружия, пусть едет к себе на Псков.

Иванко. Спасибо, батюшко! Кланяйтесь, Олюшка, Избрана... Благодарите князя.

Ольга. Спасибо, княже. (Ягелло.) И вам... вы — наш благодетель, высокий пан... Как от немцев спасли, так и тут... слово доброе ваше... Спасибо...

Ягелло. Награды! Награды!.. Поцелуй меня, женщина, вот в щеку, сюда!..

Ольга. Да что вы?.. Нельзя! Иванко!

Ягелло. Поцелуй, поцелуй!.. Как отца, в благодарность!

Иванко. Ничего, жена, поцелуй! Это, видно, у них обычай такой.

Ягелло (что-то быстро шепчет на ухо Ольге и Иванко). Прощай, умный друг, и не думай обо мне дурно!

Иванко. Прощай, добрый пан! Славно ты шутишь!

Ягелло. Шутками свет живет.

Старый слуга (подойдя). Все накрыто к обеду, княже.

Витовт. Прошу, брат, на свежую убоинку.

Ягелло. Нет, братец, не могу. Нынче пятница, пост... Я не вкушаю мясного и меда не пью... Лучше здесь посижу, в тишине... Но ты перед обедом удели мне время... Немного — всего лишь на тридцать слов.

Витовт. Тридцать слов?

Ягелло. Разве это плохое число? Иуда продал Христа за тридцать монет, и нигде в Евангелии не написано, что Иуда продешевил!

Витовт. Дьявол!.. (Всем.) Оставьте нас!

Все с поклонами проходят мимо Витовта. Фабриас роняет маленькую книгу.

Ты молитвенник уронил, монах.

Фабриас. Не молитвенник, князь, а стихи Лукреция. (Поднимая книгу, ловко вкладывает в руку Витовта нечто очень малое и уходит.)

Витовт взглянул в ладонь, вздрагивает, прячет руку, оглядывается на Ягелло: тот стоит, отвернувшись.

4

Витовт. Я рад выслушать тебя, брат.

Ягелло. Немцы вторглись в польские земли...

Витовт. Я знаю.

Ягелло. Великое войско собрал магистр и готовит поход на Восток. Что ты думаешь делать, братец?

Витовт. Пока на литовской границе тихо.

Ягелло. Тишина перед грозой...

Витовт. Э-э, брат! Будет молния — будет и гром. Тучи могут пройти мимо.

Ягелло. Туча над Польшей, братец, черна, велика... Скоро тень ее ляжет и на твои земли.

Витовт. Пусть вороны каркают, брат, я же верю только своим глазам. Над Литвой небо ясно!

Ягелло. Братец мой, государь, помнишь, мы с тобой заключили союз, подписали пергаменты... Клятвы... Верен ли ты?

Витовт. Я? Верен. А ты?

Ягелло. О-о, могу ли я тебе изменить? Я чист. Я здесь.

Витовт. Звать меня на войну ты приехал? Я не мальчик и не дам себя увлечь. Я готов уступить магистру все спорные земли.

Ягелло. А ты еще не уступил?

Витовт. Я решил избежать войны.

Ягелло. Ты подписал договор с магистром?

Витовт. А ты?

Ягелло. Как язык у тебя повернулся?.. Или я Каин?

Витовт. Брат, я не терплю попов, ужами вползающих в душу. Хочешь видеть, что в моем сердце,—посмотри, что в брюхе! Ха-ха-ха... Кишки! И пустые. Ты моришь меня голодом.

Ягелло. Под поясом кишки, братец, а на поясе — нож и кошелек.

Витовт. Верно! Нож.

Ягелло. А на ноже — бычья кровь. Ты быку перерезал горло.

Витовт. Угадал!

Ягелло. А в кошельке монеты.

Витовт. Ха-ха-ха! Да ты видишь насквозь! Может, скажешь—сколько в нем монет?

Ягелло. Ровно тридцать серебрянников, братец...

Витовт. Король Владислав Ягелло!

Ягелло. Ступай, братец, покушай, а я помолюсь, чтоб тебя не одолела икота.

Витовт уходит.

5

Ягелло (один). О, Иисусе... Ab igne ignem. От огня берут огонь... Solve vinla reis, profer lumen caicis... Разреши узы виновным, дай свет слепым... Что ж, брат, ты не открыл мне сердца добром — откроешь со страхом... Меня считают

двоедушным и коварным... Может, еще... за спиной моей смеются: слаб он и мал! Глупцы! Я велик! Истинно велик в слабой малости моей... *(Идет по тропе, нагибается, срывает былинку, глядит на нее.)* Беги, крошечный зверь, скорее беги!.. Согнувшись до муравья, я выпрямляюсь выше башни! Фальшивые кости бросил магистр — и тут, и там, всюду у него жирные очки. А брат поставил на кон и душу свою и Литву, ах, бедный охотник! Но шулеров ловят за руку! Королю остается одно: коварством давить коварство, изменой — измену задушить!

Входит Олесницкий.

Збигнев, там озеро?

Олесницкий. Да, озеро, ваша мосць.

Ягелло. Проводи меня. Я хочу подышать прохладой. *(Уходит с Олесницким.)*

Короткая пауза. Появляются князь Витовт и Фабриас.

6

Витовт. Ты подал мне перстень?

Фабриас. Да.

Витовт. Ты от магистра?

Фабриас. Да. Вот пергамент тебе, великий князь.

Витовт (прочел). Что это? Разрешение на проход войска ордена через мои земли?

Фабриас. Да. Через Гродну и Волковыск.

Витовт. Магистр хочет ударить на Польшу с тыла?

Фабриас. Господь знает мысли магистра. Великий Ульрих предлагает тебе подписать этот пергамент.

Витовт. Никогда! Как ты стоишь передо мною, монах?! Ниже голову!..

Фабриас. Не кричи, князь! Услышат.

Витовт (шопотом). Разве мало я сделал уступок ордену, чтобы требовать от меня еще и еще?!

Фабриас. Король Ягелло прогневал магистра. Польша обречена. К тебе же магистр благоволит, верит тебе и считает своим другом. Докажи ему свою верность, подпиши пергамент. Войско ордена пройдет по твоей земле, не тронув колоса на полях. Война не коснется твоих земель. Жалеть ли тебе чваных поляков, на которых ныне все рыцари мира собрались в крестовый поход? А кроме того, повелел магистр передать тебе сон...

Витовт. Сон?

Фабриас. Да. Великий магистр видел тебя во сне... на коне... в золотых доспехах... На

твоей голове был не один венец, а два, двойная корона — польская и литовская.

В и т о в т. Сон?.. Брата на брата пришел награвить? Козел в рясе... исчадие ада... рыжий немецкий пес!

Ф а б р и а с. Вот перо и чернила, князь. Тот, кто в реку ступил по колено, тот должен войти и по пояс, ибо стоит вам это не подписать, как великий магистр усомнится в искренности вашего желания сохранить с орденом мир. И кто знает, король Ягелло, с которым я приехал сюда, не сумеет ли доказать магистру, что он более уступчив, чем вы?

В и т о в т. Хорошо... вот мои знаки... Но это в последний раз... в последний!.. Так и передай!

Ф а б р и а с. Слушаю, великий князь...

В и т о в т уходит.

(Бережно прячет пергамент.) О-о-о... каждая буква здесь — город, каждое слово — страна...

Входят Ягелло и Олесницкий.

(Мгновенно преобразившись, смиренно кланяется.) Я искал вас, ясная мосьца. Вы хотели, чтобы я рассказал вам историю жизни и чудес святого Доминика. Я готов.

Ягелло. Нет, ученый муж, нет... Расска-

жи мне лучше главу из библии — о брате, убившем брата. Расскажи мне о Каине.

Раздается конский топот и крик за сценой: «Князь, князь!» Вбегает запыленный гонец — литовский ратник; на голове его окровавленная повязка.

Гонец. Где князь Литвы? Скорее! (Упал.)
Я умираю.

Ягелло. Братец! Братец!

С кубками в руках входят Витовт и Юрий Лугвениевич.

Витовт. Мы принесли тебе... постного меду, брат! Ха-ха-ха! Пей! (Увидев гонца.) Что с тобой? Кто ты?.. Эй! Говори!.. Говори!

Гонец (с трудом приподнявшись). Господине княже... немцы ворвались на Жмудь... жгут... убивают... Из Мальборга идет войско ордена... рыцари... Вошли в Польшу... Взяли Млаву и Ломжу... Плоцк осадили... Добжинь в осаде!.. Прости, княже, еще... не все сказал... Умираю... (Упал.)

Витовт. Он умер... Ты слышал? Немцы вошли в твои земли, брат!

Ягелло. И в твои... и в твои...

Витовт. Что ты думаешь делать?

Ягелло. Не знаю... Ужели мечом отвечать на меч? Нет, нет... Справедливость должна по-

бедить и без кровопролития, братец... Вот только вчера... видел я сон...

Витовт. Сон?

Ягелло. Да... видение. Мне ангел сказал: «Остановится кровь...» А другие видят разные сны... разные...

Витовт. Дьявол...

Ягелло. Но немцы идут на Литву... На Белую Русь... Не пора ли тебе сесть на коня, братец?..

Витовт. Нет. *(Пальцами сплющил кубок.)* Как и ты, брат... как и ты... Я меч не подниму на меч... Я подожду... Я тоже миролюбив. Быть может, твой ангел явится и ко мне! *(Фабриасу.)* Идем, монах! Здесь тебе нечего делать! Король лучше тебя читает молитвы над мертвецами! *(Увлекает за собой Фабриаса и протрезвевшего, испуганного Юрия Лугвиевича.)* Идем! К столу!

Уходят.

7

Олесницкий. О, ясная мосьць... Князь чуть не раскрыл всю вашу игру... Земля бы треснула от стыда!

Ягелло. От стыда! За меня? Полно Збигнев! Земля носит чудовищ и не трескается.

Наоборот, нужно еще рыть ямы, чтобы закапывать тварей! Если я дам тебе лопату, ты будешь копать?

Олесницкий. Я не понимаю...

Ягелло. Понимай, как есть — лопата есть лопата, а могила — могила. Не нам же в нее ложиться? Что не сделал случай, сделаешь ты.

Олесницкий. Я?

Ягелло. Слушай: настало твое время. Вечером мы приедем в Трокский замок. Лишь только я пройду в отведенные мне покои, ты отправишься к князю Витовту и подробно расскажешь ему, как я с магистром подписал договор.

Олесницкий (в ужасе). Что?.. (Отшатывается.) Все рассказать?..

Ягелло. Да. Всю правду, кроме одного: что это я тебя послал. Скажи князю: ради любви к погибающей Польше ты решил выдать меня.

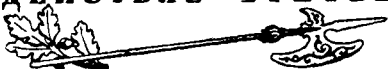
Олесницкий. Нет... ясная мосьца!.. Что говорите вы?.. Мне слышится... Я брежу...

Ягелло (обнимает Олесницкого, целует его в губы). Не бойся, я бросаю тебя, как самую счастливую кость!.. Иди! Это дело великое!

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната в Трокском замке. У горящего камина, зябко кутаясь в отороченную мехом епанчу, сидит король Ягелло, глядит в огонь. Полумрак. В поклоне склонился Фабриас.

1

Ягелло (*просматривая свитки*). Добрый учитель, вы написали прекрасный трактат. Я готов просить вас быть моим духовником.

Фабриас. Ясная мосьць! Достоин ли я?

Ягелло. Достойны, достойны! Вы так искусно соединили остатки чужих мыслей, что сразу ошеломили меня своей ученостью... Хотя ваших собственных мыслей я здесь не нашел, но

я понял — вы написали их между строк и при-
том невидимыми чернилами. Какое искусство!

Ф а б р и а с. Король изволит шутить?

Я г е л л о. Ничуть! Не ради шуток я вас
приблизил к себе, а ради наблюдения. Лекари
режут собак и лягушек, а я люблю рассекать
человеческие души, ибо в них бывает больше
нечистот, чем в собачьих кишках. Я очень жа-
лею, что ныне должен вас отпустить.

Ф а б р и а с. Отпустить? Куда?

Я г е л л о. Куда? В Краков. Вы же решили
поступить профессором в мою Академию?

Ф а б р и а с. Я хотел, ясная мось, выехать в
Краков позже...

Я г е л л о. О, нет, добрый учитель, я не
вправе задерживать вас. Академия ждет. По-
езжайте немедленно!

Ф а б р и а с. Я...

Я г е л л о. Нет, нет, немедленно! Я в отчаянии,
что должен расстаться с вами, но я не столь
роскошный государь, чтобы моим духовником
был столь ученый муж. Я обойдусь. Поезжайте.

Ф а б р и а с. С печалью повинуюсь. Я поеду
на будущей неделе...

Я г е л л о. Нет, добрый учитель, сегодня.
Сейчас.

Ф а б р и а с. Сейчас?

Я г е л л о. Вы хотите напутствие?

Фабриас. Я...

Ягелло. Я напутствие дам. Увы, я не мудр и сам слаб духом... Что посоветовать вам? Человек мнит: я свободен. А он — игрушка в руке пресвятой девы. Человек, согласно Платону, есть двуногое неоперенное существо.

Фабриас (*угрюмо*). Вы поразительно начитаны...

Ягелло. Я — невежда и неуч, друг мой. Но я не боюсь признать, что человек — червяк.

Входит дежурящий у дверей Ян Сулимчик.

Сулимчик. Ясная мосьца, гонец из Плоцка.

Ягелло. Впусти.

Входит Монжик.

Монжик (*преклонив колени*). Великий король, город Плоцк...

Ягелло. Молчи! Я знаю... (*Берет грамоту, разворачивает, пробегает глазами.*) Так! (*Сворачивает грамоту.*) Благодарю за добрую весть... Городу Плоцку отвезешь мой ответ. (*Достает из шкатулки свиток и отдает Монжику.*) Помни: вези бережливо, здесь — великая тайна!

Монжик. Но, государь... вы сказали, что

я привез добрую весть... Развед.. В Плоцке ужасные события.

Ягелло. Тс-с-с... (Указывая на Фабриаса.)
Не пугайте святого отца.

Монжик. Или в грамоте к вам написана ложь или...

Ягелло. Правда. Хорошая правда! Ступай!

Монжик выходит.

(Фабриасу.) Так вот, я сказал: человек — червяк. Да, да. Бедная жизнь наша — хрупкая, как стекло этого бокальчика с лекарством. Снаружи привлекательная краска, но внутри — горечь несносная.

Входит Сулимчик.

Сулимчик. Ясная мосць, гонец из Гнезно!
Ягелло. Впусти.

Входит Пашко, преклоняет колено, подает пергамент.

(Берет, разворачивает, читает.) Так... Спасибо за добрую весть.

Пашко (поражен). Как добрая?.. Ясная мосць... в Гнезно...

Ягелло. Тише! В Гнезно все хорошо. Отвези городу Гнезно мой ответ. (Берет из шкапки и подает Пашко свиток.)

Ф а б р и а с. Все ответы написаны вами заранее?..

Я г е л л о. Знаете ли вы, что случится с вами завтра? Нет? А я знаю. Кое-что предвидеть — это обязанность королей. (Пашко.) Ступай, вези мой ответ немедленно.

П а ш к о уходит.

Так вот, святой отец, жизнь нашу на земле можно сравнить с воробьиным полетом. Вот сидишь у камина в зимнее время...

Ф а б р и а с. Теперь весна...

Я г е л л о. А я говорю о зиме... (Сулимчику.) Подкиньте еще поленце, я что-то опять зябну... Верно, простыл на охоте...

С у л и м ч и к выходит.

Вот сидишь у камина, пылает огнище, тепло, светло, а за окном бушует вьюга, и случится — влетит в дом озябший воробей. Воробушек, святой отец! В одно оконце влетит, а в другое вылетит. На минуту укроется от вьюги и... обратно во вьюгу. Точно так, я думаю, и жизнь человека. Что за ней следует, что предшествует — не знает никто. Из тьмы во тьму, а жизнь — один светлый миг...

Ф а б р и а с. Мудрость ваша беспредельна!

Я г е л л о. Ах, мудрость! Нет, милый святой

отец. Я устал. Я — один. Нет больше ни сил, ни разума. Разве не видите вы, как не способен я быть королем?

Ф а б р и а с. Дурные вести?

Ягелло. Да, да, все в моем королевстве расплзается, словно швы на кафтане, когда сгнили и лопнули все нитки. Ах, святой отец, ну, какой я король?

Ф а б р и а с. Мужайтесь...

Ягелло. Я не король, я — поп и книжник! Мне бы ваша ряса и спокойствие души, о, как был бы я счастлив! (Закрыв глаза рукой, поникает.)

Ф а б р и а с (в сторону). Поистине, это ничтожный человек, трус и пустомеля. Наблюдать дальше за его падением — это потерянное время... (Ягелло.) Ясная мосьц, господь посылает бурю и туман, но он пошлет вам скоро и солнце. Города восстают — это тяжкие вести, но бодритесь и уповайте на господа..

Ягелло (встрепенувшись). Города восстают! Кто вам сказал? Нет, нет! Мои добрые города... (хватает пергаменты, прижимает к груди) ...со мною... со мною...

Ф а б р и а с (в сторону). Наивная ложь! (Ягелло.) С горьким сердцем я покидаю вас...

Ягелло. Доброго пути, святой отец, доброго пути. Как грустно мне расставаться с вами!..

Только будьте осторожны в пути. Путь на Краков прямой, не отклоняйтесь в сторону, а то, говорят, нынче вновь на путников нападать стали разбойники.

Фабриас. Что могут разбойники взять у бедного старого монаха?..

Ягелло. Пергаменты, пергаменты могут взять, кои вы носите за пазухой...

Фабриас. О, какие пергаменты? Всю мудрость творений отцов церкви я ношу в голове..

Ягелло. И голову, голову могут взять. Будьте осторожны!

Фабриас, пятась, уходит. Вновь входит Сулимчик.

Сулимчик. Ясная мось, гонец из Радома.

Ягелло. Постой! Где Олесницкий?

Сулимчик. Пан Олесницкий прошел в покой великого князя.

Ягелло. Уже прошел? Хорошо... Зови гонца. Все, все решается в эти минуты...

Сулимчик выпускает Юранду.

Ты из Радома, шляхтич?

Юранда. Из Радома. *(Вручает грамоту.)*

Ягелло *(не разворачивая свитка)*. Город Радом тоже восстал против своего короля?

Юранда. Да, ясная мосць. Скажу вам на словах. Не побоюсь!.. Если вы... не защитите народ от немецкой чумы... нынче же... без промедления... горе тогда и вам... в Польше!..

Ягелло (Сулимчику). Дайте шляхтичу кубок вина и хорошую кость с мясом. (Юранде.) Вон!

Юранда, зарыдав, выходит. Сулимчик — за ним. Входит бледный, дрожащий Олесницкий, останавливается у порога.

А-а-а, наконец-то! (Зовет воркующим голосом.) Збигнев! Иди же сюда. Ближе! Ты сказал?

2

Олесницкий (хрипло). Сказал.

Ягелло. Он поверил?

Олесницкий. Он в ярости. Он убьет вас!

Ягелло. Ну, нет!

Олесницкий. Я разум теряю... Гнев князя ужасен.

Ягелло. Правда? (Со смехом.) Ну, тогда... (протянул руку) ...меч!

Олесницкий подает меч, Ягелло опоясывается.

Сулимчик (войдя). Ясная мосць, приехал доблестный рыцарь Зындрам из Машковиц.

Ягелло. Впусти.

Входит Зындрам из Машковиц в шлеме и боевых доспехах.

Зындрам (снимает шлем, ударяет ножнами об пол, припадает на колени). Поклон пану королю! (Шатается.)

Олесницкий бросается к нему, поддерживает.

Ягелло. Откуда ты? Весь взлохмаченный, грязный и словно пьяный...

Зындрам. Откуда я?.. Пьяный!.. Хо-хо-хо... Я со свадьбы брюхатой ведьмы и зачумленного козла, где пил настой из мертвецов и ел мыльные пузыри, поджаренные на собачьем сале! Откуда я?.. Из пекла, из пекла, пане король! Я оттуда, где поляков запекают в их домах, как дроздов в святочном тесте! Немцы взяли Плоцк!

Ягелло. Прекрасная новость, мой веселый Зындрам! А велика ли армия ордена?

Зындрам. Огромная, невиданная сила! Я сам насчитал пятьдесят рыцарских полков. На знаменах — гербы всех стран и народов: испанцев, итальянцев, венгерцев, шведов, датчан, а знаки баронов со всей Германии так и рябили в глазах! Все это движется, как железная туча,

оставляя позади себя обугленную, опозоренную землю! Я мчался сюда десять дней, не покидая седла, два коня подо мной пали в пути, а третий издох у ваших ворот. Я думал, что застаю пана короля уже в боевом панцире, окруженного панами великой Рады и лучшими воинами Польши, и вижу... ба!.. Ах, ясная мосць! Ведь гибнет же Польша! Гибнет!

Ягелло. А что говорят в народе?

Зындрам. Народ? Народ от первого рыцаря в королевстве... (ударив себя в грудь, вскакивает) и до последнего нищего холопа — все требуют мечей! На дорогах, в лесах, в оврагах—всюду толпы мужиков с дубьем, с рогатинами... Они ловили меня за стремяна, орал: «Возьми в свое войско, пан!» Повсюду шляхта садится на коней, все магнаты созывают свои хоругви!

Ягелло. Магнаты? Без моего универсала?! Ведь война мной не объявлена.

Зындрам. Когда отчизна в опасности, народ не ждет ни подписей, ни печатей!

Ягелло. Ты сказал, мой веселый Зындрам...

Зындрам. Веселый?..

Ягелло. ...веселый Зындрам, многие рыцари Польши уже идут в ополчение?

Зындрам. Все, пане, идут! Все!

Ягелло. Тесто поднялось! Наклонись ко

мне. (Тихо.) Не ждите подписи моей и печати.
Передай это всем. Понял?

Зындрам. Нет...

Ягелло. Печать — в сердце твоём.

Зындрам. Боже... так ли?

Ягелло. Так, так... Ступай.

Издали доносится все нарастающий и приближающийся крик: «А-а-а!..»

Олесницкий. Князь...

Ягелло. Уходите! Уходите все!

Олесницкий и Зындрам выходят. Крик «А-а-а!..» еще ближе. Рядом слышатся звон оружия и чей-то вопль.

(Кричит.) Пропустите! (Отскакивает от двери.)

Вбегает полуодетый Витовт; львиное лицо его страшно, в руке — обнаженный меч.

3

Витовт. А-а-а!.. (Бросается на Ягелло, замахивается мечом.) Предатель!..

Со звоном ударяется сталь о сталь. Ягелло мечом отбивает удар и отбегает за дубовый стол.

Ягелло. Ты чуть не убил меня, братец!

Витовт. Изменник! (Указывает на Ягелло)

острием меча.) Иуда! Ты предал!.. Ты — с немцами!..

Ягелло. А ты?

Витовт. Яр!

Ягелло. Да, ты, милый братец! Ты!.. Ты не предал?

Витовт. Лжешь!..

Ягелло. Князь, сознайся! *(Опускает свой меч и с открытой грудью идет прямо на острие.)* Если ты чист, бей! Я готов на суд божий!

Рука Витовта медленно опускается.

(Подходит все ближе.) Так не чист, братец? Я угадал?

Витовт. Дьявол!..

Ягелло. Чем же купили тебя немцы? Миром? Или королевской короной? И ты им поверил?

Витовт. Ты сам был у магистра... в Мальборге! Ты сговорился с ним!

Ягелло. Каюсь, братец. Был... *(Прижимается к плечу Витовта.)* Мне магистр обещал твои земли... Белую Русь...

Витовт. Что? Белую Русь... тебе?..

Ягелло. *(отскочив, протягивает Витовту свиток).* Вот мой договор с магистром. Читай!

Витовт. *(развернув свиток, читает).* «Горо-

да... Ошмяны... Лида... Новогрудок...» О-о-о-о!..
Большая печать ордена!..

Ягелло. Да, братец, та же печать, что и на договоре с тобой. Ты можешь убить меня, можешь простить, я же прощаю тебя, Витовт!

Витовт. Боже... Что делают с нами немцы?

Ягелло. Тебе обещают — клянутся, мне обещали и тоже клялись. Пергаментом и чернилами немцы воюют, братец, еще страшней, чем железом. Цель их одна — разделить нас. А я... я задумал жестоко обмануть магистра!.. Понимаешь, взять... и провести его за нос... прославленного политика в Европе! Хи-хи! Я не хотел тебе сразу говорить. Да! Ты вот все считал меня простаком, а я начал великое дело! Орден верит мне как союзнику, а я ударю ему в спину!

Витовт. Или в спину мне?

Ягелло. Прахом матери моей клянусь!

Витовт. Обманешь, обманешь, брат! Как могу я верить тебе? Ты — лисица! Вся жизнь твоя — кровь и ложь! Кто в подвалах этого замка задушил отца нашего Кейстута? Вот его портрет! Не ты ли это сделал? Отцеубийца!

Ягелло. Pater peccavi... Страшно вспомнить, но... грешен.

В и т о в т. А кто некогда и меня заточил в темницу и готовил мне ту же участь? Помнишь, служанка жены переделалась в мое платье, а я бежал в юбке и платке. И ты не постеснялся казнить эту бедную девушку! Помнишь ли ты это, мой брат? Каин!

Я г е л л о. Помню, помню... (*Падает на колени.*) Ты прав! Я — дурной человек. Проклятие! Проклятие! Зачем ты напомнил мне про то, что всю жизнь давит мне душу и сушит мозг... что всегда стоит за моей спиной... на горло садится во сне... Зачем ты напомнил?.. Милый, бесценный мой братец! Как я люблю тебя!

В и т о в т. Ложь! Не верю! Лукавство твое... коварство... столь лживая вся твоя жизнь... грязное твое сердце... Сколько раз ты обманывал всех!

Я г е л л о. Да, да, да... Но ведь правда — люблю я тебя! Я вижу дальше, чем ты, братец... Я приехал помочь тебе! Как рвалось мое сердце сюда!.. Я счастлив, что могу обнять твои ноги... Ты прав, я пролил реки крови, но это была кровь изменников! Я сгноил в темницах сотни знатных и гордых людей, но это были враги отчизны! Отца задушил, ибо так было нужно народу моему! *Libenter gloriabor infirmitatibus meis!* Я — великий грешник, быть мо-

жет, злодей, но злодей ради славы и единства
моей родины!

Витовт. Я всегда боялся тебя...

Ягелло. А я тебя. А вот орден немецкий
боится лишь одного: как бы мы друг друга не
перестали бояться. Так побьем же их, брат, и
пергаментом и оружием!

Витовт. Побьем!

Ягелло (в дверь). Збигнев!.. Всех сюда!..
Всех!

Входят воевода Юрий Лугвениевич, Сулим-
чик, Зындрам и Олесницкий.

4

Ягелло. Мы призываем вас в свидетели ве-
личайшей государственной тайны. Я и брат мой
князь Витовт объявляем совместный поход про-
тив Тевтонского ордена.

Олесницкий. Виват!..

Юрий. Великая радость!..

Ягелло. Когда господь нам дарует победу,
мы обязуемся по-братски разделить ее плоды:
князь Литовский получит обратно Жмудские
земли и древнюю литовскую землю — Пруссию,
от устья Немана до устья Вислы, с городами
Клайпеда и Крулевец, Самбию и Бартонию.

А я верну своей короне старинные польские земли до течения Одера — Силезию с городом нашим Броцлавом и Лужицы с городами Эго-желец и Будишин и Поморию с городами Гданском, Колобжегом и Штеттином. Верно ли я говорю, брат?

Витовт. Верно!

Ягелло. Какую силу ты думаешь собрать?

Витовт. Я обязуюсь выставить в поле пятьдесят полных знамен. Не привлечь ли к общему делу зятя моего, великого князя Московского Василия Дмитриевича, а также Новгород и Псков? Нужно собрать всю великую русскую силу.

Ягелло. Стоит ли нам, братец, Москву звать?

Витовт. Ты боишься?

Ягелло. Я размышляю.

Витовт. Как ты думаешь, Юрий Лугвенивич?

Юрий Лугвенивич. Княже, там, где становится рыцарский конь, трава перестает расти и земля превращается в пепел, смешанный с кровью. Княже, да разве не ведомо тебе, как немцы у Гродны сгоняли в реку сотни мирных литвинов, мечами рассекали утробы матерей и,

чтобы напугать народ, нерожденных младенцев несли на копьях! Княже, не только земля, реки от гнева загораются, и встает народ в Полоцке, Витебске, Смоленске, Киеве, Пинске! Вся Белая и Червоная Русь идет под твои знамена! Псков откликнется сразу на твой зов! Москву же проси о помощи! Москва придет! Москва знает, кто наш общий злодей! Москва — наша единая кость и единая кровь!

Витовт. Спасибо, Юрий. Это голос моего народа. Брат, я решил. Я снаряжаю посольство в Москву.

Ягелло. А я пошлю письма в Прагу.

Витовт. Верно! Чешская сила не будет лишней для нас!

Ягелло. Панове, дух славянства един. Когда в моем королевстве поляк говорит «ойчызна», русский скажет «отчизна», твой жмудин скажет «отчына», белорусс молвит «айчына», и все четверо хорошо понимают друг друга.

Олесницкий. Польша без славянства мертва.

Ягелло. Да благословит тебя господь, мой мудрый Збигнев! Я подумал, а ты сказал. Моя добрая тень! Смотри, тень не отходит от тела. Снаряжай посольство в Москву, брат. Я согласен!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЯТАЯ

Москва. Кремлевский сад над Москва-рекой. Позади — стены Кремля и каменная Тайницкая башня. С крыльца великокняжеского терема спускаются великий князь Московский Василий Дмитриевич, его ближний боярин Иван Федорович Кошка и псковские послы — старший посадник Твердышок, еще два посадника, Михалка и Иванко.

1

Князь Василий. Нет, господа псковичи! Все вы кричите. Путаными стезями ходите вы!

Кошка. У нас, на Москве, господа посадники, долги речи ясные.

Твердышок. Эх, боярин...

Кошка. Кривить да путать мы, ежели нужно, хитрей. вашего можем. Вот на Польше, в Литве да в немецкой земле так все и живут: кто кого перепутает. Ложь на лжи, хитрость на хитрости стоят, а дунь прямо — так все и рухнет. А у нас на Москве, господа псковичи, слово не лукаво, ясно и твердо, и пути наши прямые, и мы сами некривые.

Твердышок. Да уж мы ли кривые, батюшка-князь?

Князь Василий. Простота!

Твердышок. Простота, батюшка... Простота...

Иванко. Я-то понял тебя, княже.

Князь Василий. Так молви.

Иванко. Мне, мужику, не гоже раньше посадников.

Князь Василий. Умное слово всегда гоже сказать. (Михалке.) А ты?

Михалка. Я тоже — простой человек, княже. Моя дума последняя.

Князь Василий. Слышал я, что сто деревень, разоренных от немца, тебя на Москву послали. Стало быть, ты — не простой мужик, а народный ходок и печальник.

Князь, свита и послы подходят к скамьям под высоким дубом, и здесь им навстречу выходит высокая красивая женщина, одетая столь роскошно, в сарафане и головном уборе, унизанных самоцветами и ладами, что псковичи в изумлении застывают перед ней. Две юные боярышни тут же держат подносы с яствами и питьем на сверкающей золотой посуде.

Здравствуй, Софьюшка! (Псковичам.) Хозяюшка моя — великая княгиня Московская Софья Витовтовна, дочь литовского князя Витовта. (Жене.) Потчуй гостей дорогих, Софьюшка.

Софья. Отведайте, господа посланники. Прошу милости. Не побрезгуйте.

Твердышок. Спасибо, княгинюшка. Нам ли, худым да сирым? Недостойные!

Софья. Пейте, кушайте. Окажите честь. За скудость не обессудьте.

Псковичи с великим почтением кланяются, берут кубки.

Князь Василий. Так вот, Софьюшка, господа псковичи все молчат. Отмолчатся задумали.

Софья. А что ты пристал к ним, Вася? Пусть погостят да и поедут обратно к себе, на Псков.

Князь Василий. И то, господа! Правда... Посидите дома, подумайте.

Твердышок. Что ты, что ты? Нет, господине! Мы без дела из Москвы не отъедем.

Михалка. Коль веонемся ни с чем, народ нас в клочки разнесет!..

Твердышок. Великий княже, земля запустела... Грозятся рыцаи нас онемечить.

Михалка. А на Пскове, что уж таить? Нет у нас ни порядка, ни чина!

Твердышок. Чш-ш-ш... Нишкни! (Князю.) Боимся мы, что поможешь ты нам, верно, а вот вольности наши отнимешь... Уж какие ни есть, а мы-ста свои, псковские! Псковские, батюшка, исконные! На том стоим.

Князь Василий. Исконные? На том стоите?.. Подь-ка сюда! Видишь деревцо — тонкий дубок?

Твердышок. Вижу.

Князь Василий. Сломаешь?

Твердышок. Шутить изволишь, княже! Я оглобли в руках ломаю, а ты — деревцо... Что ж тут ломать? (Берется за дубок.)

Князь Василий. Не нужно. Юный дубок, правда, сломаешь. Но вырастет он и будет таким! (Указывает на огромный дуб.) Видите?

Михалка. Велик...

Князь Василий. Сей дуб стоит с доезних времен, когда еще и Москвы не было. Любил под ним сидеть, размышляя. Батя мой — князь Дмитрий Иванович Донской. Здесь он поход на татар задумал. А кто был бит на Куликовом поле? Чай, слышали?

Твердышок. Слышали...

Иванко. Как не слышать!..

Князь Василий. Разумеете, господа посланники. Сей малый дубок — ваш Псков. В сторонке растет, тянется, да всякий может силой его свалить. Се же древо великое — вся наша Русь! Здесь и Москва, и Новгород, и Владимир, и Ярославль, и Тверь, и Рязань!.. Поняли? Каждая ветвь — город, каждый листок — деревня!

Михалка (тихо Твердышку). Бей челом, Савва Лукич, соглашайся! Нет нам хода опричь Москвы.

Твердышок. Верно сказано, княже, каждый город — веточка. Однако веточки-то разные: одна тебе выше, другая пониже... А сила в дереве что? Корень!

Софья. Сила здесь, господин посадник, корневище дуба — Москва!

Твердышок. Так...

Князь Василий. Софьюшка!.. А? Слово-то золотое молвила. Москва!.. Слушайте послы и посадники псковские мой сказ: беру стыгне я Псков под высокую свою руку. А дабы у вас был порядок и чин, даю вам князем брата своего Константина! Любо?

Твердышок. Любо!..

Иванко. Любо, наш батюшко!..

Князь Василий. Пошлю вам свои полки в оборону от немцев. Но берегитесь, посадники, коли умыслите криво. Москва измен не прощает. Садитесь! Думайте с нами вместе. (Кошке.) Иван Федорович, я чаю, в палате душно сидеть, примем литовских послов здесь.

Кошка. Ладно, батюшка. Звать?

Князь Василий. Погоди. Ждут там немецкие гости?

Кошка. Да, господине. Три недели уж маются немцы, ждут.

Князь Василий. Зови тотчас.

Кошка дает знак. Недалеко ударяют в литавры. Под охраной ратников идут немой комтур Марквард Зальцбах и оруженосец Рюрих. Кнехты несут дары.

2

Рюрих. Великий король Московский и Русский! Послом от святого Тевтонского ордена кланяется твоей милости славный рыцарь христов брат Марквард Зальцбах из Ливонии. Имя рыцаря известно всему христианскому миру, но, увы, некогда в битве меч поразил его в лицо, и с тех пор брат Зальцбах лишен языка и я говорю за него.

Князь Василий. Что ж, коли рыцарь к тому же не глух, ты говори, мы ответим, а он послушает.

Иванко (*тихо Михалке*). Михалка Олексич... Гляди, немец немой.. тот самый!..

Михалка. Он, злодей! Он... (*Удерживая готового броситься на немца Иванко.*) Тихо, зять! Сдержи сердце! Не место!

Рюрих. Великий магистр нашего ордена господин Ульрих фон Юнгинген посылает тебе дары. Вот уборы для вас, королева Московская. Они достойны вашей небесной красоты. Золотые запястья и пояс работы итальянских масте-

ров, фландрские кружева и бархат и венецианская парча.

Софья. Спасибо. (*Разглядывая дары.*) Пояс мало затейлив: у нас на Москве чеканят узор наряднее. И камни цветом не чисты. А бархат у них, видишь, Вася, недобрый: порвется скоро.

Рюрик. А вам, высокородный сир, бранный доспех из Нюренберга. Искусные оружейники десять лет трудились над ним. Насеченные фигуры изображают дивную любовь рыцаря Тристана и девы Изольды.

Князь Василий. Для потехи славно блестит, а для боя ковали бы проще, да крепче. Дары не горазды, но по скудости вашей мы и на том благодарны. Ну, а грамотку ты привез?

Рюрик. Великий магистр готов с тобою записать на Пскове вечный мир. (*Подает свиток.*)

Князь Василий. Иван Федорович, возьми бумагу. Так, стало быть, мир? Это в который же раз?

Софья. Сколько помню, раз десять уже мирились.

Рюрик. На вечное время, пока будут стоять земля и вода!

Зальцбах. Га!..

Михалка (*сдерживая Иванко*). Не время! Не время, зять!..

Князь Василий. Земля и вода? Что же, весной вода схлынет, а на зиму землю покроет снежок. Не надолго мириться хотите. Садитесь, послы!

Зальцбах и Рюрик в замешательстве переглядываются.

Рюрик. О, сир! Мы предложили мир. Мы просим скорого ответа.

Князь Василий. Скорого? Что ж, грамотку мы прочтем, поразмыслим да к зиме-то, к снежку, даст господь, и будет тебе ответ.

Зальцбах. Га-а!..

Рюрик. Мы ждем скорого ответа.

Кошка. Скоро только досадню муху ловят. Поторгуйте пока на Москве, посидите... Зовите Литву!

Рюрик. Увольте от встречи с литовскими послами.

Князь Василий. Воля моя, садитесь!

Зальцбах и Рюрик отходят и садятся вблизи от псковичей.

Иванко. Сколько крови нашей на них!.. Батя мой мести просит... Убью немного! Убью!

Михалка. Терпи! Не место!

Гремят трубы. Входят воевода Вингалла, литовские бояре и слуги.

Вингалла. Великий князь Московский, Владимирский и Тверской, господин всея Руси и госпожа великая княгиня! Вам от высокородного тестя и от любящего батюшки вашего князя Литвы Витовта низко бьем челом и дарами.

Слуги подносят дары.

Князь Василий. За память о нас передайте князю Витовту Кейстутовичу сердечное наше спасибо. Иван Федорович, прими-ка дары. Ух, седло какое! Добро! Читайте грамоту вашу!

Вингалла (развернув свиток, читает). «От Жмудских князей, комесов и бояр всем князьям Литвы и Руси. Мы — вольный народ, а немцы хотят обратить нас в невольников. Слушайте нас и спасите! Тевтонский орден вероломно порвал с нами мир и прислал палачей с крестами. У нас отбирают стада и ульи, земли и реки. Умоляем, послушайте нас! Наши дома сожжены и дети загнаны в леса. Нам больше пристало стонать, а не говорить. Внемлите нам, помогите нам!..»

Вдруг раздается крик, смятение: Иванко схватил Зальцбаха за горло. Стражники бросаются между ними, но не могут разнять.

Кошка. Эй, что там?..

Рюрик. Спасите! Посла убивают!

Князь Василий. Отпусти его!

Иванко отпускает руку. Полузадушенный Зальцбах падает.

Рюрик. Позор! Напал на посла!

Князь Василий. Подведите его!

Иванко подводят.

А-а, пскович! За что же ты немца сгреб?

Иванко. Прости... Обозлился...

Рюрик. Позор! Рыцарь — брат христов, лишенный языка! Господь свидетельствует за него!

Иванко. Княже, что бы ты сделал, коли б увидел злодея, который отца твоего убил, дом твой сжег и тебя самого вот с женой твоей в неволю угнал? Что бы ты сделал с таким злодеем, кабы встретил его?

Рюрик. Мужик лжет!

Вингалла. Великий княже! Этот комтур немой взял в плен сына моего Ясько под Сувалками... И, даже выкупа не спросив за него, распял на кресте! Или я тоже лгу?

Софья. Ясько!.. Сын твой Ясько?! Я же росла вместе с ним!.. (Сбегает по ступеням, обнимает Вингаллу.) Мой бедный Вингалла!..

(Гневная, прекрасная, повертывается к немцам.)
Вы... распяли Ясько... Вы не рыцари — воры!
(Оглянувшись на князя.) Василий!..

Князь Василий. Говорили о мире, а от одежды вашей пахнет кровью невинных. Или вы уж решили, что мы на Москве умом оскудели, поверим вам, прослезимся? Ах вы, безумные! За вторжение в Псковские земли, за разорение и русских людей кровь вы заплатите ныне жизнью! Не ходить вам ни на Литву, ни на Белую Русь, ни на ляхские земли — иных наших братьев-славян, никуда не ходить, а сидеть у себя!..

Рюрик. Горе начинающим! Горе начинающим!..

Князь Василий. Горе начинающим? Да, горе вам!!

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Лагерь славянского войска под Червенском. Над лесистой равниной на вершине холма — шатер великого князя Витовта. Развернуты хоругви. По склонам холмов, к реке, раскинулись десятки шатров: реют знамена, значки, бунчуки... Вдали виден мост переправы.

У шатра — князь Витовт, король Ягелло, воеводы Юрий Лугвениевич и Вингалла, Зындрам из Машковиц, Повала из Тачева, Збигнев Олесницкий, Ян Сулимчик.

Звучат трубы и здесь и вдали, откликаясь по всему лагерю, где в сумерках уже загораются сотни костров. К шатру подходят славянские военачальники со свитой и хоругвями.

1-й военачальник. Княже русский Витовт Кейстутович, здравствуй! Привел я полки

с Украинской Руси — Киевский и Черниговский — пеших и конных.

В и т о в т. Здравствуй, воевода Евтихий Мстиславович! Число твое доложи нам.

1-й военачальник. Число, княже, копий — до трех тыщ, да топорешек пеших — мужицкие две хоругви по тыще, да еще народ разный, нечитанный, из Дикой степи за Днепром — тоже сотен двенадесять есть.

В и т о в т. Запишите!

Писцы записывают. Подходит вторая группа.

2-й военачальник. Ясная мосьь король, я, твой слуга, воевода Спытка, веду полки Львовский и Галицкий, да дружины из Самбора и Дорогобыча числом — всадников семь тысяч и доброй пехоты тысяч до десяти. Челом вам, челом, панове!

Я г е л л о. Дай обнять тебя, старый, верный мой Спытка! Братец, русские эти полки поставишь к своим хоругвям. Пишите число!

Подходит третья группа.

3-й военачальник. Князь Юрий Лугвениевич, подошли твои хоругви Смоленские и Мстиславские!

Юрий. Мои смоленцы? Добро! Число, боярин Андрей, число!

3-й военачальник. Шесть тысяч четырехста, княже, да пятьсот из Пропойска и тысячи две из Орши!

Витовт. Запишите Смоленские полки!

Подходит четвертая группа.

4-й военачальник. Княже, Полоцкая хоругвь! Слуга твой боярин Кондрат Радич! Тыща пятьсот конных и пеших ратников тыща!

Витовт. Здравствуй, здравствуй, боярин Кондрат! Пиши!

5-й военачальник. Князь Витовт! Воєвода Молдавский Петр Медиоланин. Помнишь меня, сыне?

Витовт. Как не помнить, дедушка Петр! Много ль рати привел?

5-й военачальник. Ух, много, сыне! От бессарабского господаря конных привел буджакских татар, с Добруджи болгары пристали, немало-немало, а тысячи три — добрые воины, да с Буковины горный народ — Червоноградской хоругви. Всего, чаю, сыне, число татарское — тьму, тысяч десять веду!

Витовт. Вот, брат, с каких далей к нам

сила идет! Добро, воевода Медиоланин, скажи-ка писцам...

Зындрам. Ясная мосьць! Чехи!

Ягелло. Пражский лев! Слава господу!

Подходит новая группа. Впереди могучий рыцарь в черных доспехах.

6-й военачальник. Государь Великой и Малой Польши! Под хоругвью святого Георгия, рыцарь Ян Жишка из Троцнова, привел к тебе чешских славян — числом восемь тысяч пехоты. Вот письмо тебе из золотой Праги от пресвященного Яна Гуса. *(Преклонив колени, подает письмо.)*

Ягелло *(подняв Жишку)*. Без доблестных братьев чехов неполным было бы войско наше. А пехота у вас, я слышал, такова, что немецкая конница отскакивает от нее, как собака от ежа! За письмо от славного Гуса — спасибо! Почет Яну Жишке!

Польские рыцари. Виват! Виват!..

7-й военачальник. Я — Старж, воевода Сербский. Господине король, привел я дружину охотников числом не великую, но злую в беге вперед на врага и упорную в битве на месте, а бега назад мы не знаем. Прими, соизволь!

Ягелло. Мы рады вам, Старж. Встаньте!

Стяг у вас голубой, как воды Дуная. Записать и поставить к валахским полкам.

В и т о в т. Говорят, что магистр ведет двадцать народов, но, брат, на заходе солнца, что ни город немецкий, так и герб, и девиз, и считают себя за народ, а у нас собирается сила — от Пскова до Диких степей, от Смоленска и до Дуная! Ну и пир зададим врагу!

8-й военачальник. Княже русский, привел я Волынский полк!..

ЗАНАВЕС

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Поле между Грюнвальдом и Тауценбергом. Ночь на
15 июля 1410 года.

1

Ночь. Внутренность шатра короля Ягелло. На столе горят свечи, развернуты пестро разрисованные карты. Ягелло окружен военачальниками: здесь Зындрам из Машковиц, Добко из Богданца, Завиша Черный, Повала из Тачева, Монжик из Плоцка, Мартин из Вроцимовиц.

За картами — Збигнев Олесницкий. У входа в шатер на посту рыцарь Ян Сулимчик.

Перед королем стоит высокий рыцарь в черных доспехах, опираясь на широкий меч. Это Ян Жишка из Трощнова, предводитель чехов.

Ян Жишка. Ян Гус — это совесть и добродетель Чехии! Когда я собирался к вам, он выступил в Праге, в Вифлеемской часовне, и в речах своих разил орден как заклятого врага славянских народов. Он призывал нас идти на помощь за дело всего славянства.

Ягелло. Я вижу — это великий муж. Мы рады, что мысли его с нами. Прекрасные вести привезли вы нам, доблестный Ян Жишка!

Зындрам. А еще лучших воинов он привел!

Олесницкий. Верно, верно. Я видел его чехов. Железные люди!

Ян Жишка. В моих полках, панове, не только чехи, но есть словаки и русины с Карпат. Нас еще рано хвалить, но завтра, если случится битва, мы покажем, на что способны.

Ягелло. Да, пане Жишка, завтра решится судьба славянства... Жизнь или смерть?

Ян Жишка. Жизнь, великий король! Жизнь!

Монжик. Ясная мосьць князь Литовский!

Ягелло. А-а, наконец-то!

Входят князь Витовт, Вингалла, воевода Смоленский Юрий Лугвениевич.

Витовт. Брат! Войско ордена... идет!

Ягелло. Откуда?

Витовт. От Либавы! Сейчас вернулись татарские всадники и донесли: все полки крестоносцев подходят к Грюнвальду. Позади нас дремучий лес, не проезжий для конницы ордена. Там мы скроем свои запасные силы. Справа — озеро Любеч, слева — Домбровское болото. Немцы не смогут нас обойти. Правым крылом станет Литва и Русь, левым крылом — ты, брат!

Ягелло (повернувшись к военачальникам). Мы, король на Кракове и князь Литовский, *supremus dux*, доверяем брату нашему Витовту верховную власть над войсками, ибо из нас он достойнейший. Прошу всех ему повиноваться. Ступайте к своим полкам, готовьтесь! День завтра великий. Кто ляжет в землю навеки, кто встанет с победой?..

Витовт. Ляжет орден, а встанем с победой мы!

Затемнение.

2

Шатер магистра. Стоят маршалы и комтуры ордена — Куно фон Лихтенштейн, Фридрих фон Валленрод, Генрих фон Тетинген, Марквард Зальцбах, Арнольд фон Баден, Гуго де Дефе, герцог Конрад Австрийский, Кунигунда. Пламя факелов в руках кнехтов.

Великий магистр, закинув руки за спину, поскрипывая доспехами, прохаживается по ковру. В стороне стоит Фабриас.

Магистр. Они лягут перед нами, как ни-ва под ветром! Они посмели войти в Пруссию—они здесь погибнут! (Фабриасу.) Что еще говорят твои лазутчики?

Фабриас. Король Ягелло плачет и молится день и ночь. Веоховную власть над войском он уступил князю Витовту.

Магистр. Плут! Он умывает руки! Ага, трус!

Фабриас. Он трусит. Я повторяю вновь: это — ничтожный человек. Это шут в короне.

Магистр. Тесного согласия в славянском войске не может быть. Крепкий удач—и Литва побежит налево, а Русь — направо. Что касается польского войска, то разум наш говорит: король Ягелло не посмеет первым вступить в битву, и мы... также до времени не будем его атаковать.

Тетинген. Прекрасная мысль!

Магистр. Мышеловка. Ты, Куно, опрокинешь Литву в озеро. Ты, Генрих, со своими полками сдавишь Русь, как в тисках, и погонишь на север. Тогда ты, Валленрод, со своими

знаменами ударишь в лоб на поляков. Тридцать полков я поведу сам и соберу последнюю жатву.

Снаружи доносятся скрип и лязг.

(Останавливается, прислушивается.) Что это?

К у н и г у н д а *(отдернула полог шатра, смотрит)*. Наш обоз, великий Ульрих! Это цепи звенят в телегах. Пять тысяч цепей привезли, как ты велел, для пленников!

Ма г и с т р. Пять тысяч цепей? Язывы христовы! Много! Клянусь, много! Пленных не будем брать!

З а т е м н е н и е.

3

Утро. У входа в шатер короля Ягелло толпятся польские рыцари. Все с тревогой смотрят вдаль, откуда глухо доносятся пение рогов и треск барабанов орденской армии.

В шатре короля звучит музыка органа и тихо поет хор:

Богородица, дева Мария,
Внемли гласу бедных людей...

З ы н д р а м. Смерть и диавол!.. Прости меня, боже! Скоро ли король перестанет молиться?!

Сулимчик. Он слушает пятую обедню подряд. Все ксендзы давно охрипли, а органист набил себе мозоли на пальцах.

Повала. А король все молится и молится!

Завиша. Немцы уже построили все знамена. Чего мы ждем?

Сулимчик. Они заняли все холмы. Они раздавят нас, если мы будем еще медлить!

Повала. Доблестный Зындрам, пора!

Завиша. Пане краковский мечник, пора выводить полки в поле, иначе мы не успеем развернуть свою конницу.

Зындрам. Правда, правда, панове... Больше невысказано ждатель!

Сулимчик. Клянусь, у короля в жилах не кровь, а вода. Он собирается воевать не мечом, а четками. Он погубит нас!

Добко. Тише, тише... Вспомним, панове, что король призывал нас к терпению.

Юранда. Ха!.. Мы терпели, но до каких же пор?

Повала. Магистр опрокинет литовцев, а если дрогнут еще и русские полки, мы будем прижаты к болоту и к лесу, и... боже, тогда нас ничто не спасет!

Рыцари. Верно, пане Повала! Правда! Правда!

Сулимчик. Пане Зындрам, зовите, зовите короля!

Повала. Зовите, пока не поздно!

Зындрам. Что я могу сделать, панове? Я трижды подходил к нему, он не полнимает глаз от молитвенника. Дьявол и смерть! Я больше не пойду!

Юранда. Панове! Смотрите!.. Немцы на правом крыле начинают спускаться с холмов!

Добко. Знамя Черного Волка... Это герб фон Лихтенштейна!

Повала. Несчастливая Литва! Разве она устоит перед этой железной ордой?

Сулимчик. Пошли! Пошли!

Вой рогов все громче.

Зындрам. Сто веков, проклятый сатана и его косматые дети! Нет, я больше не жду! Я рискну своей головой, но подниму королевское знамя! Кто со мной?..

Рыцари. Мы все с тобой, пане маршал. Все с тобой!

Добко. Тише!

Из шатра тихо выходит Ягелло с молитвенником в руках, позади — Олесницкий и Монжик.

Зындрам. Пане король, смотрите! Немцы

уже теснят и давят Литву. Наше знамя пора поднимать!

Рыцари. Пора! Пора!..

Ягелло. Нет, панове... нет... Еще дух мой не укрепился к битве... Еще две обедни я должен прослушать...

Добко. Невозможно! Пане король, остановитесь!

Ягелло. Что?

Добко. Пане король, в войске говорят, что вы ждете послов от магистра. Идете мира! Я слышал своими ушами!

Ягелло. Рыцарь Добко, повелеваю вам отныне вставить в свой герб ослиные уши!

Зындрам. Пане король, я подниму знамя!

Ягелло. Попробуйте!

Рыцари с трепетом отступают. Ягелло уходит в шатер.

З а т е м н е н и е.

4

Ставка великого магистра на холме вблизи Грюнвальда. Развевается большое знамя ордена: на белом полотнище черный остроконечный крест.

Мимо проходят войска. Рыцарской конницы не видно, но о ее движении говорят проплывающие за холмом

штандарты, щетина копий с развевающимися пестрыми значками и доносящийся оттуда звон и лязг.

На холме стоит великий магистр в роскошных золоченых доспехах, окруженный комтурами ордена. Иностранные рыцари-крестоносцы стоят группой ниже магистра. На барабане сидит Кунигунда.

Магистр (*проходящим полкам*). Славные крестоносцы!.. Вперед копыя! Над вами орел и крест! Немцы, я отдаю вам в добычу весь лагерь врага! Берите! Пусть будет сегодня много разрубленных голов, много коней без всадников, много отрезанных рук, отрубленных ног, много жратвы для воронья, пусть кровь и мозг сарацин напитают землю, не опускайте своих мечей! Избивайте, рубите, колите, режьте, давите копытами!.. Вперед, немцы! Хильф гот!..

Гром восторженных кликов и рев несутся в ответ магистру, вновь завывают рога; проходящие войска запевают рыцарскую песню:

Христос воскрес, Христос воскрес,
Он сокрушил рога дьявола,
Архангел огненным мечом
Нам путь укажет в рай!..

Кунигунда (*подносит магистру кубок*).
Пей, мой славный, любимый Ульрих! Здесь не только вино, но еще и настой аравийских маги-

ческих трав, закаляющих сердце во время битвы.

Магистр. Благодарю, Кунигунда. Сердце мое твердо. (Фабриасу.) Как польское войско? Стоит?

Фабриас. Стоит на месте, великий магистр.

Рюрих. Конница фон Лихтенштейна пошла!

Зальцбах. Га!..

Кунигунда. Врезались!.. Ах, сатана!

Баден. Уже!.. Литва отступает! Смотрите!

Тетинген. Знамя Волка пошло далеко!

Кунигунда. Литовцы бегут! Труссы! Псы! Бегут!

Баден. Лихтенштейн гонит их. Слава!

Магистр. Верно, верно! Литва бежит!

Тетинген. Черный Волк кусает Литву за пятки!

Магистр (Фабриасу). Что польское войско? Не движется?

Валленрод. Нет, нет... Стоит.

Фабриас. Польша не движется, великий магистр. Король Ягелло сам себя перехитрил!

Магистр. Генрих фон Тетинген! Веди свои полки на Русь.

Тетинген. Слушаю, великий Ульрих!
Хильф гот! Господа, за мной! (Уходит.)

Арнольд фон Баден, Зальцбах и Рюрик
уходят вслед за Тетингеном.

Магистр. Фридрих фон Валленрод, го-
товся ударить на Польшу. Пора!

Кунигунда. Смотри, Ульрих, смотри!
Что это? О, диавол! Знамя Волка остановилось!

Магистр. А-а-а!.. Он столкнулся с русски-
ми полками!

Валленрод. Сейчас он положит их!

Кунигунда. Пыль опять поднялась...

Конрад. Словно гигантский костер...

Кунигунда. Да! И мечи сверкают, как
тысячи искр...

Эрибис. О-о, там страшная сеча!

Валленрод. Я иду на поляков!

Магистр. Подожди... когда побегут Смо-
ленские полки. Сейчас еще рано. (Фабриасу.)
Польша не движется?

Фабриас. Нет, великий магистр! Стоит.

Магистр. Что же медлит Лихтенштейн?
Неужели он не может сломить русское мужи-
чье... смоленских дровосеков и кашеедов?.. И
Тетинген остановился!

Кунигунда. Да, Русь еще не бежит! О,
чортово семя!

Э р и б и с. Знамя Волка упало!.. Упало!..
Нет его!

Вбегает окровавленный, измученный вестник.

Вестник. Великий магистр! Великий комтур Лихтенштейн просит помощи!

Магистр. Помощи? Нет! Ни всадника! Ни одного копыа!.. Что?.. Что там, говори!

Вестник. Русские встали стеной... Они подрезают косами ноги лошадей и крюками стаскивают рыцарей с седел... Они стоят, словно не люди, а камни... Мы поломали копыа и иступили мечи, но... не можем... не можем ни на шаг продвинуться... ни на шаг!.. Храбрейшие рыцари пали...

Магистр. Святая кровь! (*Валленроду.*)
Мой Фридрих, веди свои полки на помощь Лихтенштейну.

Кунигунда. А Польша? Кто будет крошить поляков?..

Магистр. Король Ягелло пока ждет. Торопись!

Валленрод. На коней! На коней, рыцари!.. (*Уходит с Машмурой.*)

Э р и б и с (*тихо герцогу Конраду*). Дьявол дернул меня ехать в этот поход. Сир, мы не вернемся...

Магистр. Стоит ли Польша?

Ф а б р и а с. Стоит!

Магистр. Святая кровь! (*Вглядываясь вдаль.*) А русские все еще держатся! Это похоже на волшебство!

З а т е м н е н и е

5

У входа в шатер Ягелло толпятся рыцари. Шум, ропот.

Сулимчик. Он начал слушать седьмую обедню. Мы погибли, панове! Погибли!

Повала. Что делать?.. Король, даже не одел доспехи?

Зындрам. Я боюсь, что король лишился ума!.. (*Вбежавшему Юранде.*) Стой!

Юранда. Где король? (*Вбегает в шатер.*)

Зындрам. Безумец! Король прогонит его! Что делать?..

Сулимчик. Все погибло! Я брошусь на меч! Прощайте!

Из шатра выбегает Ягелло, сбрасывает плащ: под ним серебряные доспехи. Все онемели от изумления.

Ягелло. К полкам, панове!.. Пора! Гей!.. Згибнев! Мой шлем!.. Копье!.. Коня!..

З А Н А В Е С

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Поле Грюнвальда. У кольев, торчащих из земли, груды человеческих тел и оружия. В сумерках затихает битва, уже дерутся поодиночке, усталыми, онемевшими руками нанося друг другу удары.

Рыцарь Филаф Машмура бьется со смоленским ратником Порфишей. Филипп Эрибис, ускользая от топора Вячки, безуспешно пытается убежать.

Вячка. Стой!.. Стой, немец!.. Не беги!..

Эрибис. Пощади!.. Я не немец... Клянусь!.. Я — испанец... Испанец!..

Вячка. Чего?

Эрибис. Ты получишь за меня богатый выкуп! Пять тысяч!.. Слышишь?.. Пять тысяч!..

Вячка. Выкуп! Выкупила попа попадья за три блохи! Ну, ну, не дрожи! Коли драться не хочешь, так вот одевай лычко на шею!

Эрибис. Веревку?.. Позор!.. Никогда!.. Я — знаменитый рыцарь!..

Вячка. Эй, не томи! Одевай! Вот пойдем к боярину, он тебя разберет! Порфиша, да стукни ты своего чучела по-смоленски — с плеча!

Порфиша все время бьет обухом Машмуру по шлему и по щиту. Машмура, уже не отвечая на удары, стоит, как железный истукан, слегка покачиваясь.

Порфиша. Молочу, молочу, а зерна не видать. Ну, и крепкий же леший... У-уф!..

Вячка. Э-ва... крепкий! Дай-ка я его!..

Порфиша. Не тронь! Сам управлюсь.
(Еще раз изо всех сил ударяет венгерца обухом по шлему, но тот продолжает стоять.)
Э-эх! Ведь, поди, он внутри весь разбит, а не валится! Хоть бы что!

Вячка. А ты под микитки его! Там потоньше.

Порфиша. Разве так... (Легонько сткнул Машмуру топориком под пояс, и тот внезапно со звоном валится наземь.)

Вячка. Царствие ему небесное! Глянь-ка, там еще наши смоляне дерутся!.. Пошли!..

Уходят. На поле боя появляется великий магистр без шлема, в иссеченных доспехах, плащ его изодран в клочья.

Магистр. Святая кровь!.. Большой рог уже замолчал... Все, все погибло... Весь орден пал мертвым... пленен... рассеян... Эй, кто здесь?..

Появляется Зальцбах.

Немой комтур! Ты еще жив?

Зальцбах. Га... га... (Шатаясь и мыча, отходит в сторону.) М-м-м... (Падает.)

Входят Иванко, Михалка, русские ратники.

Иванко. Други, немец еще! Бери!

Михалка. Веревку ему на шею.

Магистр. Прочь! (Заносит меч.)

Иванко. Ишь ты какой! Смерти хочет?
Бей его!

Один из ратников подбегает, отбивает меч магистра и наносит ему удар.

Магистр (падает). Я умираю... Цепь Дуназара... предсказала победу... (Затихает.)

Михалка. Глянь, панцырь на нем богатый. В золоте весь. Видать, не простой немец, а ихний боярин. И цепь на груди.

Иванко. А все они в золоте. Панцырь снимите, други, что добру пропадать!

Ратник. Посечен больно. Помят. Найдем и получше!

Иванко. Ну, тогда брось! (Замечает вновь поднимающегося на ноги Зальцбаха.) Глянь-ка, тесть, еще немец... Да никак это тот... немой?

Михалка. Он! Немой рыцарь!

Иванко (подойдя к Зальцбаху). Узнаешь меня, пес?

Зальцбах. Га-а-а... (Поднимает вверх руки.)

Иванко. Жизни просишь? Нет, немец, на свете тебе жить заказано! (Поражает Зальцбаха.) Дальше, други... идем!..

Входит Кунигунда.

К у н и г у н д а. Русские!.. Русские!.. Не бейте меня!.. (Увидела труп магистра.) Ульрих?.. Великий Ульрих!..

И в а н к о. Иди, немка, домой и скажи своим бабам, что никто из ваших мужиков домой не вернется. Ступай, ступай, покуда цела!

К у н и г у н д а. Слушаю, господин... слушаю... (Уходит.)

Входят король Ягелло, князь Витовт, воеводы Юрий Лугвеневич и Вингалла, Зындрам из Машковиц, Збигнев Олесницкий, Ян Сулимчик, Ян Жишка, бояре и польские рыцари.

Ягелло. Князь Юрий!.. Брат мой!.. Виват!.. Битву выиграли Смоленские полки! Слава смоленцам!.. Виват!..

Зындрам. Слава смоленцам!..

Ян Жишка. Слава!..

Юрий. Всем слава в этот великий день! Всем — слава!

Ян Жишка. Слава славянам!

Ягелло (указывая на поле). Вот конец немецкого самохвальства, блудодействия, жестокости и коварства.

Олесницкий. Им конец — нам начало!

Витовт. Имя Грюнвальда немцы запомнят навеки!

Ягелло. Истина, истина!.. Гляжу я на это кровавое поле и думаю: мы не вечны, умрем, и дети наши умрут, и на памяти внуков останутся слухи о наших делах — больших и малых, добрых и жестоких... Что скажут внуки о нас?

Ян Жишка. Внуки скажут: немецкая сила губила славян, когда они были врозь, но никто славян одолеть не сможет, когда они станут вместе!

З А Н А В Е С

К О Н Е Ц

Редактор С. КОЛЯДЖИН

Л-19065. Под. к печ. 29/VI 1945 г.
„Искусство“ № 2893
Печ. листов 4¹/₄. Уч.-над. л. 4, 12.
Знаков в 1 п. л. 38820. Тираж
5000. Заказ 621. Цена 4 р. 25 к.

Тип. „Красный печатник“.
Москва, ул. 25 Октября, 5